

КЕНДАРИ БЛЕЙК

АННА
В КРОВАВО-
АЛОМ

Annotation

«Она убийца, — говорю я себе. — Такая же, как они все». И сам в это не верю. Анна заворожила меня. Длинные черные волосы, словно плывущие по воде, бледная, очень светлая кожа, бездонные глаза... и платье, которое когда-то, говорят, было белым. Теперь с него капает алая кровь. Что сделало ее такой? В чем источник ее необычной силы? Я должен выяснить историю этой девушки... а потом уничтожить ее. Ведь Анна — призрак и не оставляет в живых никого из тех, кто переступает порог ее старого дома. А я тот, кто убивает опасных призраков.

Кендари Блейк

Анна в кроваво-алом

© Кузнецова А.А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Грязная сальная голова выдает его с головой, пардон за каламбур.

Равно как и мешковатый потертый кожаный плащ, не говоря уже про бакенбарды. И эта манера кивать и щелкать зажигалкой в такт звучащему у него в голове ритму. Он словно из кордебалета «Ракет» и «Акул»^[1].

Опять-таки: у меня глаз на такие вещи. Я знаю, на что смотреть, ибо повидал едва ли не все разновидности призраков и привидений, какие только можно себе представить.

Автостопщик водится на отрезке извилистой дороги в Северной Каролине, где кругом одни некрашенные щелястые заборы и бескрайнее ничто. Ничего не подозревающие водители, видимо, подбирали его со скуки, полагая, что это просто начитавшийся Керуака^[2] студентик.

— Девушка у меня, ждет, — говорит он теперь возбужденно, словно увидит ее сразу, стоит нам подняться на вершину следующего холма.

Он дважды сильно тюкает зажигалкой по приборному щитку, и я бросаю туда взгляд, опасаясь, как бы на панели не осталось вмятин.

Машина-то не моя. И я восемь недель горбатился в саду у мистера Дина, отставного армейского полковника, дальше по кварталу, чтобы просто взять ее покататься. Для семидесятилетнего старика у полковника невероятно прямая спина, никогда такой не видел. Будь у меня побольше времени, все лето слушал бы его захватывающие рассказы про Вьетнам. Вместо этого я прореживал кусты и вспахивал клумбу восемь на десять под новые розы, а он угрюмо следил за мной, дабы убедиться, что его малышка не пострадает, попав в лапы этому семнадцатилетнему сопляку в старой футболке с Роллингами^[3] и маминых садовых перчатках.

Сказать по правде, я чувствовал себя несколько виновато, зная, для чего собираюсь использовать машину. Дымчато-синяя «Камаро ралли спорт» 1969 года в состоянии «муха не сидела». Ход просто бархатный, только на поворотах порывает. Не верилось, что он мне ее даст, хоть я закопайся у него в саду. Но, слава богу, дал, потому что без нее я бы пропал. На такое автостопщик просто обязан был клюнуть — ради нее стоило выползти из могилы.

— Должно быть, она очень милая, — говорю я без особого интереса.

— Да, чувак, да, — отзывается он, и, в сотый раз с момента, когда я подобрал его пять миль назад, я удивляюсь, как можно не понять, что он мертв.

Голос у него — как в фильме Джеймса Дина^[4]. И вдобавок запах. Не то чтобы гнилостный, но отчетливо замшелый и висит вокруг него облаком. Как можно было принять его за живого человека?! Как можно было проехать с ним десять миль до Лоренского моста, где он неизбежно хватался за руль и увлекал машину с водителем в реку?! Скорее всего, от его одежды и голоса людям делалось не по себе, да и от запаха костей тоже — этот запах узнаешь, даже если никогда его не слышал. Но к тому времени всегда бывало уже слишком поздно. Они приняли решение подобрать автостопщика и не собирались позволять себе испугаться настолько, чтобы передумать. Свои страхи они заглушали доводами разума. А зря.

А стопщик на пассажирском сиденье все рассказывает своим нездешним голосом про свою девушку там, дома, Лиза ее зовут, мол, какие у нее самые золотые волосы и самая красивая улыбка и как они убегут и поженятся, как только он вернется стопом из Флориды. Часть лета он работал там у дяди в автосалоне: лучший способ подкопить денег к свадьбе, даже если из-за этого они не виделись месяцами.

— Тяжко, наверное, так — так долго далеко от дома, — вставляю я, и в тоне моем и правда присутствует нотка жалости. — Но уверен, она тебе обрадуется.

— Да, чувак. О том я и толкую. У меня есть все, что нам нужно, вот прямо тут, в кармане плаща. Мы поженимся и переберемся на побережье. У меня там кореш есть, Робби. Поживем у него, пока я не подыщу работу с машинами.

— Конечно, — поддакиваю я.

Луна и огоньки на приборном щитке освещают печально-оптимистичное лицо моего пассажира. Разумеется, он так и не увидел Робби. И девушку свою Лизу тоже не увидел. Потому что в двух милях дальше по этой дороге летом 1970 года он сел в машину, вероятно, очень похожую на мою. И сказал тому, кто сидел за рулем, что в кармане плаща у него все, что нужно, чтобы начать совершенно новую жизнь.

Местные говорят, его крепко избili у моста, а потом отволокли за деревья, где пару раз пырнули ножом, а затем перерезали горло. Тело перевалили через парапет и спихнули в один из притоков. Там его и обнаружил фермер почти полгода спустя — обвитого лианами, с удивленно открытым ртом, словно он никак не мог поверить, что застрял здесь.

Он и теперь не знает, что застрял здесь. Похоже, никто из них не знает. В данный момент стопщик насвистывает и подскакивает на сиденье в такт несуществующей музыке. Наверное, он до сих пор слышит то, что играло в ту ночь, когда его убили.

Он очень славный. Идеальный попутчик. Но когда мы доберемся до моста, он сделается таким же злобным и уродливым, как все они. Согласно отчетам, его призрак, неоригинально помеченный как «Графство 12, Стопщик», убил уже минимум дюжину человек и ранил еще восьмерых. Но как-то не получается его винить: он так и не добрался до дома, не увидел свою девушку и теперь не хочет, чтобы и другие попали домой.

Мы миновали дорожный столб с отметкой 23 — до моста меньше двух минут. С тех пор как мы переехали сюда, я катался по этой дороге почти каждую ночь в надежде увидеть в свете моих фар его поднятый палец, но мне не везло. Пока я не сел за руль этой «Ралли спорт». До того я пол-лета провел на этом проклятом участке дороги, с тем же чертовым клинком, лежащим под бедром. Ненавижу, когда все вот так, словно на какой-то жутко бесконечной рыбалке. Но я не сдаюсь. В конечном итоге они всегда появляются.

Я позволил ноге слегка отпустить газ.

— Что-то не так, приятель? — спрашивает он.

Качаю головой:

— Просто это не моя машина, и у меня нет денег чинить ее, если ты решишь скovyрнуть меня с моста.

Стопщик смеется, лишь чуть громче обычного:

— Похоже, ты нынче бухал или чего еще, парень. Может, тебе стоит просто высадить меня здесь?

Слишком поздно я соображаю, что не следовало так говорить. Я не могу его выпустить. Еще повезет, если он просто выйдет и исчезнет. Надо убить его, пока машина движется, или придется начинать все сначала, а я сомневаюсь, что мистер Дин с охотой отпустит свою машинку еще на несколько вечеров. Кроме того, через три дня мы уезжаем в Тандер-Бей.

Вдобавок царапает мысль, что я снова проделаю с беднягой то же самое. Но она мимолетна. Он уже мертв.

Стараюсь удерживать спидометр выше пятидесяти — слишком быстро, чтобы он всерьез подумывал выпрыгнуть, но с привидениями никогда не знаешь наверняка. Придется работать

быстро.

И как раз когда я опускаю руку, чтобы вытащить из-под себя клинок, в поле зрения возникает освещенный луной силуэт моста. Словно по команде автостопщик хватается за руль и выворачивает его влево. Рву руль обратно и вдавливаю педаль тормоза в пол. Слышу яростный визг резины по асфальту и краем глаза замечаю, что лицо у пассажира пропало. Прощай, покладистый парнишка, прилизанные волосы и открытая улыбка. Остались просто маска из сгнившей кожи, пустые черные дыры на месте глаз да похожие на тусклые камни зубы. Кажется, будто он улыбается, но это просто оттого, что губы облезают.

Машина рыскает, пытаюсь остановиться, но что-то у меня жизнь перед глазами не проносится. Да и что бы я увидел? Хоровод самых памятных из убитых призраков? Вместо этого я вижу серию быстрых упорядоченных снимков собственного мертвого тела: один с пробитой рулем грудной клеткой, другой без головы, а остальное свешивается из выбитого окна.

Откуда ни возьмись выпрыгивает дерево, целясь прямо в водительскую дверь. Даже выругаться некогда — только дернуть руль и втопить газ. Дерево остается позади. Чего я не хочу, так это въезжать на мост. Машина выписывает восьмерки, а он-то прямой. Узкий, деревянный и старый.

— Мертвым быть не так уж плохо, — делится автостопщик, вцепившись мне в руку в попытке оторвать меня от руля.

— А как насчет запаха? — шиплю я.

Во всей этой кутерьме я по-прежнему сжимаю рукоять ножа. Не спрашивайте почему. Кажется, что еще десять секунд — и кости у меня в запястье разойдутся. С сиденья меня стащили, так что я завис над рычагом переключения передач. Движением бедра перебрасываю машину на нейтраль (раньше надо было это сделать) и быстро выхватываю клинок.

И тут происходит нечто удивительное: лицо автостопщика вновь обрастает кожей, в глаза возвращается зеленый блеск. Это просто парнишка, и он таращится на мой нож. Я укрощаю автомобиль и жму на тормоза.

Резкая остановка заставляет его моргнуть. Он смотрит на меня.

— Я все лето работал за эти деньги, — негромко говорит он. — Моя девушка убьет меня, если я их потеряю.

Сердце у меня колотится от усилий, затраченных на борьбу за машину. Я не хочу ничего говорить. Хочу просто покончить с этим. Но вместо этого слышу собственный голос:

— Девушка простит тебя. Обещаю.

Нож, отцовский атам^[5], легок в моей руке.

— Я не хочу опять, — шепчет автостопщик.

— Это последний раз, — заверяю я и рассекаю ему клинком горло, открывая зияющую черную щель.

Пальцы стопщика подбираются к его шее. Они пытаются соединить края кожи, но из раны вытекает нечто черное и густое, как нефть, и покрывает тело, не только заливая старомодный плащ, но поднимаясь вверх по лицу, глазам, забираясь в волосы. Стопщик не кричит и не корчится — наверное, не может: горло у него перерезано, и жидкость уже затекла в рот. Меньше чем за минуту он исчезает, не оставив следа.

Я провожу рукой по сиденью — сухо. Затем выхожу из машины и осматриваю ее со всех сторон, насколько это возможно в темноте, на предмет царапин. След от покрышек на

асфальте все еще дымится. Прямо слышу, как скрипит зубами мистер Дин. Через три дня я уезжаю из города, а теперь мне придется потратить один из них на установку новых «гудиеров»^[6]. Коли на то пошло, наверное, не стоит отдавать машину, пока не заменю покрышки.

Уже полночь паркую «Ралли спорт» у нас на подъездной дорожке. Мистер Дин наверняка еще не спит, поджарый, залитый под завязку черным кофе, и наблюдает, как я аккуратно проезжаю по улице. Но до завтрашнего утра он машину не ждет. Если встать пораньше, я еще успею отогнать ее в мастерскую и заменить покрышки, он и не почувствует разницы.

Свет фар прорезает двор и расплескивается по фасаду дома. Вижу две зеленые точки: глаза маминого кота. Когда я подхожу к входной двери, его на окне уже нет. Он расскажет хозяйке, что я дома. Кота зовут Тибальт. Он своенравная тварь, и до меня ему особого дела нет. Как и мне до него. Имеется у него странная привычка — выдирать себе шерсть из хвоста, разбрасывая по всему дому черные клочки. Но маме нравится, чтобы в доме был кот. Как и большинство детей, коты способны видеть и слышать то, что уже умерло. Весьма кстати, если живешь с нами.

Вхожу, разуваясь и поднимаюсь наверх, перескакивая через две ступеньки разом. До смерти хочется в душ — смыть замшелое, гнилостное ощущение с запястья и плеча. И отцовский атам надо проверить и помыть, если на лезвие налипли остатки той черной дряни.

На самом верху спотыкаюсь о коробку. «Блин!» выходит слишком громко. Думать надо было. Всю жизнь живу в лабиринте упакованных коробок. Мы с мамой профессиональные упаковщики. Нам ни к чему выпрашивать ненужные картонки в бакалее или винном магазине. У нас высококлассные, промышленного типа укрепленные коробки с постоянными этикетками. Даже в темноте я вижу, что споткнулся о «кухонную утварь (2)».

На цыпочках прокрадываюсь в ванную и вытаскиваю из кожаного рюкзака нож. Прикончив авгостопщика, я обернул лезвие черным бархатом, но не очень аккуратно. Торопился. Не хотелось больше оставаться на дороге, да еще рядом с мостом. Зрелище распадающегося авгостопщика не напугало меня, я и похуже видал. Но привыкнуть к такому не получается.

— Кас?

Смотрю в зеркало и вижу сонное мамино отражение, на руках у нее черный кот. Кладу атам на полку.

— Привет, мам. Прости, что разбудил.

— Ты же знаешь, я все равно люблю быть на ногах, когда ты возвращаешься. Тебе всегда следует меня будить, чтобы я могла спать.

Я не говорю ей, насколько тупо это звучит, просто поворачиваю кран и начинаю полоскать клинок под струей холодной воды.

— Давай я, — говорит она, трогая меня за плечо.

Затем, разумеется, хватается за мое запястье, потому что видит, как вдоль всего предплечья наливаются лиловым синяки.

Я ожидаю каких-то материнских слов, жду, что она покудахчет вокруг меня встревоженной наседкой минут пять и побежит на кухню за льдом и мокрым полотенцем, хотя ничего хуже синяков со мной никогда не приключалось. Но на сей раз она ведет себя иначе. Может, потому, что поздно, а она устала. А может, потому, что спустя три года она наконец начинает понимать, что завязывать я не собираюсь.

— Дай мне его, — говорит она, и я отдаю, потому что уже смысл большую часть черноты.

Она берет его и уходит. Я знаю, она пошла делать то, что делает каждый раз, — то есть прокипятить клинок, а потом воткнуть его в большой горшок с солью, в котором он будет выставлен на лунный свет в течение трех ночей. Затем она вынет его, натрет коричневым маслом и скажет, что он как новенький.

То же самое она делала для папы. Он приходил домой, прикончив очередное умертвие, она целовала его в щеку и забирала атам так же обыденно, как любая другая жена берет мужнин портфель. Мы с ним имели обыкновение, скрестив руки на груди, таращиться на клинок, пока тот торчал в горшке с солью, давая друг другу понять, что оба считаем это смехотворным. Мне всегда казалось, что мама просто тешит свою фантазию. Словно наш нож — Экскалибур в камне.

Но папа позволял ей это делать. Он знал, во что ввязывается, когда познакомился и женился на ней, хорошенькой викканке с темно-рыжей гривой и гирляндой из белых цветов на шее. Он тогда соврал в ответ и сказал, что он тоже викканин, за неимением лучшего слова. Но на самом деле папа ни во что особенно не вдавался.

Он просто любил легенды. Любил хорошо рассказанную историю, сказки, от которых мир казался круче, чем он был на самом деле. Он обожал греческую мифологию — вот откуда у меня такое имя.

Они сошлись на компромиссе, потому что мама любила Шекспира, и в итоге меня называли Тезеем Кассио. Тезеем — в честь убийцы Минотавра, а Кассио — в честь обреченного лейтенанта Отелло. По-моему, имечко дурацкое донельзя. Тезей Кассио Лоувуд. Все зовут меня просто Кас. Полагаю, мне следует радоваться — скандинавскую мифологию папа тоже любил, и я вполне мог оказаться Тором, что было бы по определению невыносимо.

Выдыхаю и гляжусь в зеркало. Никаких следов ни на лице, ни на парадной серой сорочке, в точности как на внутренней обивке «Ралли спорт» (хвала богам). Видок у меня комичный. Брюки, сорочка, словно я на важное свидание собрался: ведь машину у мистера Дина я попросил якобы именно для этого. Когда я сегодня вечером уходил из дома, волосы у меня были зачесаны назад и даже слегка смазаны гелем, но теперь, после этой чертовой возни, свисают на лоб темными сосульками.

— Ложись-ка ты поскорее спать, милый. Поздно, а нам еще паковаться и паковаться.

С ножом мама разобралась. Она снова всплыла наверх и прислонилась к дверному косяку, а ее черный кот вьется у нее вокруг лодыжек, словно скучающая аквариумная рыбка вокруг пластмассового замка.

— Просто хочу слазить в душ, — говорю я.

Она вздыхает и отворачивается.

— Ты ведь с ним управился? — добавляет она через плечо, словно спохватившись.

— Да. Управился.

Она улыбается мне. Улыбка грустная и тоскливая.

— На сей раз впритык. Ты думал, что разберешься с ним до конца июля, а уже август.

— Он оказался более упрямой дичью, — говорю я, стягивая с полки полотенце.

Не думаю, что она скажет что-то еще, но она останавливается и оборачивается:

— А ты бы остался здесь, если б не поймал его? Отодвинул бы ее?

Я думаю всего пару секунд, просто естественная пауза в разговоре, потому что знаю

ответ еще до того, как она закончила вопрос:

— Нет.

И когда мама уходит, я бросаю бомбу:

— Э, можно мне занять немного налички на новые покрышки?

— Тезей Кассио, — стонет она, и я морщусь, но ее усталый вздох говорит мне, что утром все будет в порядке.

Мы направляемся в Тандер-Бей, это в провинции Онтарио. Я еду туда убить ее. Анну. Анну Корлов. Анну-в-Алом.

— А эта тебя зацепила, Кас, — говорит мама, сидя за рулем арендованного фургончика. Я все твержу ей, что надо нам купить собственный грузовичок для переездов, а не искать каждый раз наемную машину. Видят боги, мы достаточно часто переезжаем следом за привидениями.

— С чего ты взяла? — спрашиваю я, а она кивает на мои руки.

Я и не сознавал, что постукиваю по своему кожаному рюкзаку, где лежит папин атам. Сознательным усилием не убираю его. Просто продолжаю стучать, словно это не важно, словно она ищет глубинный смысл там, где его нет.

— Питера Карвера я убил в четырнадцать лет, мам. С тех пор я этим и занимаюсь. Меня ничто уже сильно не удивляет.

У нее делается напряженное лицо.

— Не говори так. Ты не «убил» Питера Карвера. Питер Карвер на тебя напал, и он был уже мертв.

Меня порой восхищает мамина способность переворачивать все с ног на голову, просто подобрав правильные слова. Если ее магазинчик оккультных товаров когда-нибудь прогорит, она может с успехом податься в брэндинг.

Питер Карвер напал на меня, говорит она. Ага. Напал. Только после того как я вломился в брошенный дом семейки Карверов. Это было мое первое задание. Я взялся за него без маминого разрешения, и это еще мягко сказано. Я пошел на него вопреки маминым протестующим воплям, и мне пришлось взломать окно в собственной спальне, чтобы выбраться из дома. Но я сделал это. Я взял отцовский нож и отправился туда. Я ждал до двух часов ночи в той самой комнате, где Питер Карвер застрелил свою жену из 0.44-го калибра, а потом повесился на собственном ремне в чулане. Я ждал в той самой комнате, где его призрак спустя два года убил агента по недвижимости, пытавшегося продать дом, а еще через год — оценщика.

Думая об этом сейчас, я вспоминаю, как у меня тряслись руки и крутило живот. Вспоминаю отчаянное стремление сделать это, сделать то, что мне полагалось делать, как делал отец. Когда призраки наконец показались (да, призраки, во множественном числе, — оказывается, Питер с женой помирились, найдя общий интерес в убийствах), я, по-моему, едва не сомлел. Один выплыл из чулана, и шея у него была такая синяя и выгнутая, что, казалось, голова лежит на боку, а вторая начала просачиваться сквозь половицы словно в пущенной задом наперед рекламе бумажных полотенец. Должен с гордостью сказать: она едва выбралась из паркета. Инстинкт взял верх над рассудком, и я заколотил ее обратно, она и рыпнуться не успела. Однако, пока я вытаскивал нож из дерева, покрытого засохшими пятнами, некогда являвшимися его женой, Карвер ухватил меня за обе ноги. Он чуть не выкинул меня в окно, пока я лихорадочно нащупывал атам, пища как котенок. Пырнул я его едва ли не случайно. Нож как бы воткнулся в него, пока он обматывал конец своей веревки

вокруг моей шеи и вертел меня кругом. Маме я этого никогда не рассказывал.

— Я не такой дурак, мам. Это только другие думают, что мертвое убить нельзя. — Хочу добавить, что папа разделял мое мнение, но это лишнее. Она не любит о нем говорить, и я знаю, что с тех пор, как он погиб, она так и не стала прежней. Как будто она не совсем здесь; чего-то не хватает во всех ее улыбках — словно смазанное место на фотографии или просто объектив не в фокусе. Часть ее последовала за ним туда, куда отправился он. Она не то чтобы меня не любит, но, по-моему, ей никогда не приходило в голову, что придется растить сына самой. Семья должна образовывать круг. А теперь мы ходим будто фотография, из которой папу вырезали.

— Да одна нога здесь, другая там, — говорю я, щелкая пальцами и меняя тему. — Может, даже до конца учебного года в Тандер-Бей не досижу.

Она наклоняется к рулю и мотает головой:

— Тебе следует подумать о том, чтобы задержаться на подольше. Я слышала, это славное место.

Я закатываю глаза. А то она не знает! Нашу жизнь тихой не назовешь. У нас все не как у людей, никаких тебе корней и заведенного порядка. Мы бродячий цирк. И даже папина смерть тут не виновата, мы и с ним путешествовали, хотя, надо признать, не так много. Именно поэтому она работает так, как работает: раскладывает карты Таро и чистит ауру по телефону и продает оккультные товары через Интернет. Моя мама странствующая ведьма. И на удивление, неплохо этим зарабатывает. Думаю, мы бы вполне справлялись даже без папиной страховки.

В данный момент мы едем на север по некоей извилистой дороге, повторяющей береговую линию озера Верхнего. Я рад выбраться из Северной Каролины, прочь от чая со льдом, акцента и гостеприимства, которые мне не подходили. В дороге, по пути отсюда туда, я чувствую себя свободным, и это ощущение продлится, пока я не ступлю на тротуар Тандер-Бей — только тогда я снова окажусь на работе. А сейчас я могу наслаждаться колоннадами сосен и слоями осадочных пород вдоль дороги, сочащихся грунтовыми водами словно в непрерывных сожалениях. Озеро Верхнее синее синего и зеленей зеленого, а льющийся в окна яркий свет заставляет меня щуриться даже в темных очках.

— Какие у тебя планы насчет колледжа?

— Ма-ам. — Разочарование внезапно вскипает во мне. Опять она за свое, «серединка на половинку». Наполовину принимает меня таким, какой я есть, наполовину настаивает, чтобы я был нормальным ребенком. Интересно, с папой она тоже так обращалась? Не думаю.

— Ка-ас, — стонет она в ответ. — Супергерои тоже ходят в колледж.

— Я не супергерой. — Это гнусная кличка. Эгоистичная и совсем не про то. Я ж не расхаживаю повсюду в трико из спандекса. За свою работу я не получаю славословий и ключей от городов. Я работаю в темноте, убивая то, что должно оставаться мертвым. Прознай кто о моей затее, меня, вероятно, попытались бы остановить. Идиоты встали бы на сторону Каспера, и мне бы пришлось убить и Каспера, и их тоже, после того как Каспер вырвал бы им глотки. Я не супергерой. Уж коли на то пошло, я Роршах из «Хранителей»^[7]. Я Грендель^[8]. Я уцелевший из «Сайлент Хилл»^[9].

— Если ты так решительно настроен продолжать заниматься этим во время колледжа, то есть масса городов, которые легко обеспечат тебя работой на четыре года. — Она сворачивает на заправку, последнюю на американской стороне. — Как насчет Бирмингема?

Там столько привидений, что ты можешь брать их по два в месяц и при этом иметь достаточно времени, чтобы благополучно защитить диплом.

— Ага, но тогда мне придется ходить в колледж в чертовом Бирмингеме, — отзываюсь я, и она зыркает на меня. Я бормочу извинения. Может, она и либеральнейшая из матерей и позволяет своему сыну-подростку шляться по ночам, охотясь на останки убийц, но все же она не желает слышать из моих уст плохие слова.

Она подруливает к насосам и глубоко вздыхает:

— Понимаешь, ты уже пять раз за него отомстил.

Я не успеваю возразить — она вылезает и хлопает дверцей.

Стоило нам пересечь канадскую границу, пейзаж резко меняется, и я глазею в окно на мили и мили покрытых лесом пологих холмов. Мама говорит, это называется «бореальный лес». В последнее время, с тех пор как мы по-настоящему начали кочевать, она завела себе хобби — подробно изучать каждое новое место жительства. По ее словам, так больше похоже на каникулы — выяснять, где лучше поесть и что интересно поделать, когда попадешь туда. По-моему, это помогает ей в большей степени чувствовать себя дома.

Она выпустила Тибальта из переноски, и он устроился у нее на плече, обвив хвостом ее шею. Меня он даже взглядом не достаивает. Он наполовину сиамец, а эта порода склонна выбирать себе для обожания одного человека, а всех остальных посылать. Мне-то что. Мне нравится, когда он шипит и машет на меня лапами. Единственный его плюс в том, что иногда он замечает призраков раньше меня.

Мама смотрит в облака, напевая себе под нос — не настоящую песню, а так. Улыбка у нее точно такая же, как у ее кота.

— С чего это ты такая довольная? — спрашиваю. — Неужто еще корму не отсидела?

— Да уж несколько часов как, — отзывается она. — Но, думаю, Тандер-Бей мне понравится. И судя по виду облаков, мне предстоит наслаждаться им довольно долго.

Я бросаю взгляд вверх. Облака огромные и безупречно белые. Они замерли в небе неподвижно, и мы едем прямо в них. Я смотрю не моргая, пока глаза не начинают слезиться. Они не сдвинулись и никак не изменились.

— Въезжать в неподвижные облака, — шепчет она. — Дело займет больше времени, чем ты ожидаешь.

Мне хочется сказать ей, что она суеверна, что неподвижность облаков ничего не значит, а кроме того, если смотреть на них достаточно долго, они неизбежно сдвинутся... но это было бы лицемерием со стороны парня, позволяющего матери очищать свой нож в соли под лунным светом.

От застывших облаков меня почему-то начинает укачивать, и я возвращаюсь к созерцанию леса, соснового одеяла из зеленых, коричневых и ржавых лоскутов, истыканного стволами берез словно костями. Обычно в этих поездках настроение у меня лучше. Возбуждение от перемены места, от охоты на новое привидение, от новых впечатлений... перспективы, как правило, поддерживают меня в солнечном расположении духа, по крайней мере на протяжении самой поездки. Может, я просто устал. Я мало сплю, а когда удастся, непременно достает какой-нибудь кошмар. Но я не жалуюсь. Они у меня с тех пор, как я начал пользоваться атомом. Профессиональный риск: полагаю, мое подсознание выпускает весь страх, который мне полагается испытывать, когда я вхожу туда, где обретаются призраки-убийцы. Однако надо все-таки попытаться отдохнуть. Особенно гадкие сны снятся в ночь после успешной охоты, и что-то они не особенно успокоились, с тех пор как я убрал автостопщика.

Примерно через час, после множества попыток заснуть, вижу появляющийся в ветровом стекле Тандер-Бей. Просторный, весь из себя такой город-город с населением больше ста тысяч человек. Мы проезжаем промышленные и деловые районы, и я не впечатлен. Уолмарт удобное место для передышки, но я никогда не видел, чтобы призрак приценивался к моторному маслу или пытался втиснуться в коробку из-под Xbox 360. Только когда мы

попадаем в сердце города — старую его часть, раскинувшуюся над гаванью, — я вижу то, что ищу.

Между свежотремонтированными семейными гнездышками торчат дома, словно вырезанные не под тем углом, краска с них облезает клочьями, ставни висят на одной петле, и окна словно подбитые глаза. Красивые домики я едва замечаю. Моргнешь, проезжая, — и вот их, скучных и неуместных, уже нет.

На протяжении своей жизни я побывал в куче мест. Сумрачных мест, где что-то пошло не так. Зловещих мест, где все по-прежнему плохо. Всегда ненавидел залитые солнцем городки, набитые свежестроенными семейными домами цвета бледной скорлупы, с гаражами на две машины и зелеными газонами вокруг, усеянными смеющимися детьми. Привидений в таких городках не меньше, чем везде. Они просто лучше притворяются. Мне больше нравится приезжать в места вроде этого, где запах смерти доносится до тебя на каждом седьмом вдохе.

Я смотрю на воды Верхнего; они лежат у города словно спящий пес у ног. Папа всегда говорил, что мертвые любят воду. Она дарит им чувство безопасности. Ничто не притягивает их сильнее. И не скрывает надежнее.

Мама включила навигатор, любовно прозванный ею Франом в честь дядюшки с исключительным чувством направления. Монотонный голос Франа ведет нас по городу, направляя, словно идиотов: «Приготовьтесь повернуть налево через сто футов», «Приготовьтесь повернуть налево», «Поверните налево». Тибальт, чувствуя, что путешествие подходит к концу, возвращается в свою переноску. Протягиваю руку и защелкиваю дверцу. Он шипит на меня, словно мог бы сделать это сам.

Снятый нами домик невелик — два этажа свежей красновато-коричневой краски с темно-серой отделкой и ставнями. Он притулился у подножия холма, в начале красивого ровного участка земли. Когда мы подъезжаем, никакие соседи не подглядывают за нами из-за занавесок и не выходят на крыльцо сказать «привет». Дом выглядит сдержанно и уединенно.

— Как тебе? — спрашивает мама.

— Нравится, — честно отвечаю я. — Видишь, кто приближается.

Она вздыхает. Ее бы больше порадовало, улыбнись я и взбеги по ступеням парадного крыльца, распахни дверь и взлети на второй этаж, чтобы застолбить себе хозяйскую спальню. Подобное я проделывал, когда мы въезжали в новый дом с папой. Но мне было семь. Я не собираюсь позволять ее уставшим от дороги глазам вызывать у меня чувство вины и желание это чувство загладить. Эдак я оглянуться не успею, как мы примемся плести венки из ромашек на заднем дворе и короновать нашего кота королем летнего солнцестояния.

Вместо этого хватаю переноску и вытаскиваю ее из фургона. Только через десять секунд слышу за спиной мамины шаги. Я жду, пока она отопрет входную дверь, и мы входим, вдыхая застоявшийся запах лета и оставленной посторонними старой грязи. Дверь открывается в большую гостиную, уже обставленную — кремовый диван и вольтеровское кресло. Еще бронзовая лампа, требующая нового абажура, и пара столиков, кофейный и журнальный, потемневшего красного дерева. Дальше деревянная арка ведет в кухню и открытую столовую.

Всматриваюсь в тени на лестнице справа от меня. Тихо закрываю за нами входную дверь, ставлю на деревянный пол переноску и открываю ее. Спустя миг загорается пара зеленых глаз, за ними крадучись вытекает черное тело. Этому фокусу я от папы научился.

Или скорее папа научился сам от себя.

Он отправился по наводке в Портленд. Это было дело о множественных жертвах пожара на консервной фабрике. Голова у него была занята мыслями о механизмах и всяких штуках, у которых губы трескаются, когда они заговаривают. Он не обратил особого внимания на дом, который снял для нас по переезде, а хозяин, разумеется, не упомянул, что в нем погибла женщина и ее нерожденный ребенок — муж столкнул ее с лестницы. Такие вещи стараются не афишировать.

Странная штука с этими призраками. Пока они дышали — были нормальными или относительно нормальными людьми, но стоит помереть — превращаются в типичных одержимых. Их заклинивает на том, что с ними произошло, и они застревают в наихудшем моменте. В их мире не существует ничего, кроме лезвия того ножа или ощущения тех рук на горле. Они имеют обыкновение демонстрировать эти вещи. Если знать их историю, нетрудно предсказать, как они себя поведут.

В тот день в Портленде мама помогала мне перетаскивать мои коробки наверх, в мою новую комнату. Тогда мы еще пользовали дешевый картон, а на улице лило: большая часть коробок размякли словно хлопья в молоке. Я, помню, смеялся над тем, как мы делаемся все более мокрыми, и над лужицами в виде левого ботинка по всему линолеуму в прихожей. По шарканью наших ног можно было подумать, что переезжает семейство расторможенных золотистых ретриверов.

Это произошло во время нашей третьей ходки вверх по ступенькам. Я шлепал башмаками, разводя грязь, и вытащил из коробки свою бейсбольную перчатку, потому что боялся, как бы на ней от воды не появились пятна. И тут я почувствовал это — что-то проскользнуло по ступеням мимо меня, чуть задев плечо. Прикосновение не было ни сердитым, ни торопливым. Я никому никогда об этом не рассказывал — из-за того, что случилось дальше, — но оно показалось ласковым, словно меня осторожно отодвинули с дороги. В тот миг я подумал, что это мама играючи хватает меня за руку, и развернулся, улыбаясь до ушей, — как раз вовремя, чтобы увидеть, как призрак женщины превращается из ветра в туман. Казалось, она одета в простыню, а волосы были такие бледные, что я видел ее лицо сквозь затылок. Я и до того видал призраков. Когда растешь с таким папой, как мой, они становятся такой же обыденностью, как бифштекс на ужин по четвергам. Но мне не доводилось видеть, чтобы они мою маму швыряли в воздух.

Я потянулся к ней, но в руке остался лишь обрывок размокшего картона. Она упала назад, привидение победно заколыхалось. Сквозь эту парящую простыню я видел мамино лицо. Как ни странно, я помню, что, когда она падала, я разглядел ее коренные зубы, верхние, и у нее там были две дырки. Именно это приходит на память, когда я думаю о том случае: гадостное, тошнотворное чувство оттого, что я вижу дырки у мамы в зубах. Она приземлилась кормой на ступеньку, ойкнула и покатила вниз спиной, пока не ударилась о стену. После этого ничего не помню. Не помню даже, остались ли мы в том доме. Разумеется, отец наверняка избавился от призрака — вероятно, в тот же день, — но я ничего больше про Портленд не помню. Только знаю, что папа начал использовать Тибальта, тогда еще совсем котенка, а мама до сих пор прихрамывает накануне грозы.

Тибальт разглядывает потолок, обнюхивает стены. Время от времени дергает хвостом. Мы следуем за ним, а он методично проверяет весь нижний этаж. В ванной он начинает выводить меня из терпения, потому что, похоже, забыл о деле, а вместо этого хочет покататься по прохладному кафелю. Щелкаю пальцами. Он оскорбленно щурится на меня,

но поднимается и продолжает инспекцию.

На лестнице он в нерешительности останавливается. Я не волнуюсь. Вот если он зашипит в пустоту или тихо усядется и уставится в пространство... Колебание же ничего не значит. Кошки видят призраков, но даром предвидения не обладают. Мы поднимаемся за ним по ступенькам, и я по привычке беру маму за руку. У меня на плече кожаный рюкзак. Присутствие атама внутри него успокаивает — это мой личный маленький медальон Св. Христофора^[10].

На втором этаже три спальни и целая ванная плюс небольшой чердак с выдвижной лестницей. Пахнет свежей краской, и это хорошо. Хорошо, когда вещи новые — значит, к ним не успел прицепиться никакой сентиментальный покойник. Тибальт зигзагом обследует ванную и направляется в спальню. Там он таращится на распахнутый комод с зеркалом, на выдвинутые и перекошенные ящики, затем с отвращением разглядывает голую кровать. Потом садится и принимается намыывать передние лапки.

— Тут чисто. Давай перетащим барахло и запечатаем.

На предложение шевелиться ленивый котяра поворачивает голову и ворчит на меня, зеленые глазищи у него круглые, как настенные часы. Я не обращаю на него внимания и тянусь к люку на чердак.

— Ай!

Опускаю глаза. Тибальт взобрался по мне как по дереву. Хватаю его обеими руками за спинку, а он уютно запускает все четыре набора когтей мне в кожу. И при этом клятая тварь мурчит.

— Он просто играет, солнышко, — говорит мама и аккуратно отделяет каждую лапку от моей одежды. — Я посажу его обратно в переноску и запру в спальне, пока мы таскаем коробки. Может, стоит порыться в фургоне и отыскать его лоток.

— Здорово, — язвлю я в ответ.

Но устраиваю кота в маминой спальне с едой, водой и лотком, прежде чем перенести в дом остальные наши вещи. На всё про всё уходит всего два часа. В этом мы профи. Однако солнце уже начинает садиться, когда мама заканчивает со своей ведьминой кухней: кипячением масел и трав для умягчения окон и дверей — так с гарантией внутрь не пролезет то, чего там не было, когда мы въехали. Я не знаю, как это работает, но и отрицать не могу: дома всегда было безопасно. Знаю, однако, что будет вонять сандалом и розмарином.

После того как дом запечатан, я развожу на заднем дворе костерок, и мы с мамой сжигаем все обнаруженные нами мелочи, которые могли бы иметь значение для прежних жильцов: забытые в буфете лиловые бусы, несколько самодельных подставок под горячее и даже крохотный спичечный коробок, на вид слишком хорошо сохранившийся. Нам не надо, чтобы привидения вернулись за оставленным добром. Мама прижимает мне ко лбу влажный палец. Чую розмарин и прованское масло.

— Мам.

— Правила тебе известны. Каждую ночь на протяжении первых трех суток. — Она улыбается, и ее каштановые волосы в свете костра кажутся тлеющими угольями. — Это обережет тебя.

— У меня от этого прыщи вылезут, — возражаю я, но стереть не пытаюсь. — А мне через две недели в школу.

Она ничего не говорит. Просто смотрит на смазанный травами палец так, словно прикидывает, не приложить ли его между собственных глаз. Но потом моргает и вытирает

его о джинсы.

Этот город пахнет дымом и летней гнилью. Привидений в нем больше, чем я ожидал, целый слой активности буквально под ногами: шепотки, заглушаемые человеческим смехом, движение, замечаемое лишь краем глаза. Большинство из них безобидны — печальные холодные пятнышки или стоны в темноте. Смазанные белые пятна, проявляющиеся только на моментальных снимках. До них мне дела нет.

Но где-то там присутствует одно, до которого мне дело есть. Где-то там присутствует то самое, за которым я сюда явился, обладающее достаточной силой, чтобы выжимать воздух из живого горла.

Я снова думаю о ней. Об Анне. Анне-в-Алом. Гадаю, какие фокусы она преподнесет. Интересно, умна ли она? Будет ли парить в воздухе? Смеяться будет или визжать?

Каким образом она попытается убить меня?

Кем бы ты предпочел быть, троянцем или тигром?

Мама задает мне этот вопрос, стоя над сковородкой с кукурузными оладьями. Сегодня последний день, когда меня можно записать в школу, завтра начинаются занятия. Я знаю, что она собиралась сделать это раньше, но была занята налаживанием отношений с несколькими местными торговцами, чтобы они рекламировали ее предсказательские услуги, и выяснением, готовы ли они выставить на продажу ее оккультные товары. Один изготовитель свечей в ближнем пригороде, похоже, согласился добавить ее продукцию в определенную смесь масел, получатся своего рода волшебные свечи в коробочке. Продавать свои совместные изделия они договорились под заказ в магазинчиках по всему городу, а также мама будет поставлять их своей телефонной клиентуре.

— Ну что за вопрос? А варенье у нас есть?

— Клубничное и нечто под названием «ирга»^[11], смахивает на чернику.

Делаю кислое лицо:

— Возьму клубничное.

— В жизни надо рисковать. Попробуй иргу.

— В моей жизни и так достаточно риска. Так что там насчет презервативов или тигров?

^[12]

Она ставит передо мной тарелку с оладушками и поджаренным хлебом, поверх каждой кучки налито нечто, что, отчаянно надеюсь, является клубничным вареньем.

— Веди себя прилично, детеныш. Это школьные прозвища. Ты куда хочешь — в «Сэр Уинстон Черчилль» или в Вестгейтский колледж? Похоже, они на равном расстоянии от нас.

Вздыхаю. Какое это имеет значение? Буду ходить на уроки и писать контрольные, а потом уеду, точно как всегда. Я здесь, чтобы убить Анну. Но чтобы порадовать маму, надо изобразить, будто мне не все равно.

— Папа предпочел бы видеть меня троянцем, — тихо говорю я, и она всего на секунду замирает над сковородкой, прежде чем смахнуть себе на тарелку последнюю оладью.

— Тогда схожу в «Уинстон Черчилль», — говорит она.

Какая удача. Я выбрал школу с чмошным названием. Но, как уже сказано, это не играет роли. Я здесь ради одной-единственной вещи, она сама прыгнула мне в руки, пока я бесплодно гонялся за стопщиком Графства 12.

Оно пришло по почте, просто очаровательно. На закапанном кофе конверте стояли мое имя и адрес, а внутри лежал просто клочок бумаги с именем Анны. Написанным кровью. Я получаю такие подсказки со всех концов страны, со всего мира. Не так много людей умеют делать то же, что и я, но множество людей хотят, чтобы я это делал, и они выискивают меня, расспрашивая тех, кто в курсе и отслеживает мои передвижения. Мы часто путешествуем, но меня достаточно просто найти, если поискать. При каждом переезде мама дает объявление у себя на сайте и всегда сообщает нескольким самым старым папиным друзьям, куда мы направляемся. Каждый месяц как часы на моем воображаемом рабочем столе появляется стопка досье призраков: электронное письмо об исчезновении людей в сатанистской церкви в Северной Италии; вырезка из газеты о загадочных жертвоприношениях животных возле погребального кургана оджибве^[13]... Доверяю я только немногим проверенным источникам. Большинство из них — это еще отцовские связи, старейшины круга, куда он вступил еще в

колледже, или ученые, с которыми он познакомился в путешествиях благодаря своей репутации. Им я доверяю — они не станут присылать мне пустышки. Они свое дело знают.

Но с годами у меня завелись и собственные контакты. Глядя на небрежные красные буквы, похожие на зарубцевавшиеся следы ногтей на бумаге, я догадываюсь, что это наводка от Руди Бристоля. По театральности. По готической романтике состаренного пергамента. Мне как бы предлагается поверить, что призрак сделал это сам: начертил свое имя чьей-то кровью и послал мне словно карточку с приглашением на ужин.

Руди «Ромашка» Бристоль убежденный гот из Нового Орлеана. Он бездельничает, присматривая за баром в недрах Французского квартала, застрявшего где-то в двадцатых, и мечтает оставаться всегда шестнадцатилетним. Тощий, бледный как вампир и злоупотребляет пирсингом. До сих пор от него поступили три хорошие наводки: славная, быстрая работа. Один из тех призраков, повешенный за шею в погребе, нашептывал сквозь половицы, соблазняя новых обитателей дома присоединиться к нему в земле. Я вошел, вспорол ему брюхо и вышел обратно. С этой-то работы Ромашка мне и понравился. Только впоследствии я научился получать удовольствие от его крайне возбудимого характера.

Я позвонил ему, как только получил письмо.

— Эй, чувак, как ты узнал, что это я? — Разочарования в голосе не было, только возбуждение и польщенность, напомнившие мне одного парнишку на концерте «Джонас Бразерс»^[14]. Просто фанат. Если ему позволить, он нацепит рюкзак и примется колесить за мной по всей стране.

— Разумеется, ты. С какой попытки тебе удалось заставить буквы выглядеть как надо? Поди и кровь настоящая?

— Ага, настоящая.

— И чья же?

— Человеческая.

Я улыбнулся:

— Собственной писал, да?

В трубке пыхтит и ерзает.

— Слышь, тебе наводка нужна или нет?

— Ага, продолжай.

Я не сводил глаз с клочка бумаги. «Анна». Пусть я знал, что это всего лишь один из дешевых Ромашкиных трюков, но ее написанное кровью имя выглядело красиво.

— Анна Корлов. Убита в 1958 году.

— Кем?

— Никто не знает.

— Как?

— И этого никто не знает.

Все это начинало отдавать лажей. Всегда остаются записи, результаты расследования. Каждая пролитая капля крови оставляет бумажный след как отсюда до Орегона. И его старание придать фразе «никто не знает» зловещее звучание уже действовало мне на нервы.

— Тогда как ты узнал?

— Масса народу в курсе, — ответил он. — Это ж любимая страшилка в Тандер-Бей.

— Страшилки обычно оказываются всего лишь байками. Зачем ты тратишь попусту мое время?

Я потянулся за бумажкой, готовый смять ее в кулаке. Но не стал. Не знаю, почему я

изображал скептика. Люди всегда знают. Порой много людей. Но они ничего не предпринимают. Ничего особенного не говорят. При этом себя стараются обезопасить, а на невежду, случайно угодившего в паутину, цокают языком. Им так проще. Это позволяет им жить при свете дня.

— Это не просто страшилка, — настаивал Ромашка. — Расспросами в городе ты ничего не добьешься... если только не спросишь в правильных местах. Она не завлекалка для туристов. Но загляни на любую подростковую девчачью пижамную вечеринку, и я тебе гарантирую: в полночь они будут рассказывать историю Анны.

— Я только и делаю, что шастаю по ночным девичникам, — вздохнул я. Разумеется, Ромашка-то так и делал — в свое время. — Ну так что там?

— Когда она погибла, ей было шестнадцать. Дочь финских иммигрантов. Отец ее к тому времени уже умер, от какой-то болезни вроде бы, а мать держала пансион в центре города. В момент убийства Анна направлялась на школьный бал. Кто-то перерезал ей горло, но это мягко сказано. Голову чуть не начисто снесли. Говорят, на ней было белое праздничное платье, и когда ее обнаружили, оно все уже пропиталось кровью. Потому-то ее и называют «Анна-в-Алом».

— Анна-в-Алом, — негромко повторил я.

— Одни думают, что это сделал кто-то из постояльцев пансиона. Мол, какой-то извращенец увидел ее, ему понравилось, он пошел за ней и оставил истекать кровью в канаве. Другие говорят, это ее ревнивый бойфренд так.

Я глубоко вдохнул, чтобы выйти из транса. Гнусная история, но они все гнусные, и это, несомненно, не худшее из того, что мне доводилось слышать. Говард Сауберг, фермер из Центральной Айовы, порешил все свое семейство садовым секатором — кого зарезал, кого выпотрошил. Семья его состояла из жены, двоих сыновей, новорожденного и престарелой матери. Вот уж это одно из худших дел, о которых я слышал. Прибыв в Центральную Айову, я был разочарован — призрак Говарда Сауберга не настолько раскаивался, чтобы болтаться в округе. Как ни странно, злодеями после смерти обычно становятся как раз жертвы. Настоящие гады уходят дальше, гореть, или обращаться в прах, или перерождаться в жуков-навозников. Всю свою ярость они растрачивают, еще пока дышат.

Ромашка продолжал разворачивать Аннину легенду. От возбуждения он говорил тише и с придыханием. Я не знал, смеяться или беситься.

— Ладно. Так что она делает, теперь-то?

Он помолчал.

— Она убила двадцать семь подростков... это о которых мне известно.

Двадцать семь подростков за последние полвека. Это снова начало попахивать волшебной сказкой — или самой странной маскировкой в истории. Никто не может убить двадцать семь подростков и исчезнуть — его загонит в замок толпа с факелами и вилами. Даже если он привидение.

— Двадцать семь местных ребят? Ты, должно быть, шутишь. А не бродяжек или беглых?

— Ну...

— Что «ну»? Кто-то водит тебя за нос, Бристольт. — В горле поселилась горечь. Не пойму почему. Да, наводка оказалась ложной, ну и что? У меня в запасе было еще пятнадцать других призраков. Один из Колорадо, некий тип по имени Гризли Адамс, убивавший охотников на целой горе. Теперь это казалось развлечухой.

— Ни одного тела так и не нашли. — Ромашка всё силился объяснить. — Должно быть,

решили, что ребята просто сбежали из дому или были похищены. Только другие дети могли бы сказать, что это Анна, но, естественно, все молчат. Мог бы и сообразить.

Ага. Я и соображал. Но я знал кое-что еще. В истории Анны присутствовало нечто большее, чем рассказывал мне Ромашка. Не знаю, что именно, считайте это интуицией. Может, дело было в ее имени, нацарапанном красным. Может, Ромашкин дешевый и мазохистский трюк в итоге сработал. Но я знал. Знаю. Нутром чувствую, а отец всегда меня учил: если нутро говорит — слушай.

— Посмотрим.

— Правда? — Опять этот возбужденный тон, словно нетерпеливый бигль ждет, когда ему бросят палочку.

— Сказал, посмотрим. Сначала надо тут кое-что доделать.

— А что?

Я коротко рассказал ему о стопщике Графства 12. В ответ он засыпал меня идиотскими предложениями, как того выманить, — настолько идиотскими, что я их даже не запомнил. Потом, как обычно, пытался уговорить меня перебраться в Новый Орлеан.

Я к Новому Орлеану на пушечный выстрел не подойду. Привидений в этом городишке как грязи, и так ему и надо. Нигде в мире так не любят своих призраков, как там. Порой я беспокоюсь за Ромашку: вдруг кто-нибудь просечет, что он разговаривает со мной, снабжает наводками на дичь, и однажды мне придется охотиться уже на него в виде жертвы расчленителя, волочащей за собой оторванные конечности по какому-нибудь складу.

Я соврал ему в тот день. Никакого «посмотрим». К тому моменту, как я слез с телефона, я уже знал, что займусь Анной. Нутро сказало мне, что это не просто байка. И, кроме того, мне хотелось увидеть ее, одетую в кроваво-алое.

Судя по всему, учреждение общего и профессионального образования имени сэра Уинстона Черчилля такая же старшая школа, как и любая из тех, где мне доводилось учиться в Штатах. Весь первый урок я составлял себе расписание под руководством школьного консультанта мисс Бен, доброй, похожей на птичку молодой женщины, обреченной носить мешковатые водолазки и держать слишком много кошек.

Теперь же в коридоре все глаза устремлены на меня. Я новенький и отличаюсь от них, но это не единственная причина. Все разглядывают всех, ведь это первый день занятий, и людям не терпится узнать, во что превратились за лето их одноклассники. В данный момент в здании проходят испытание не меньше пятидесяти преобразований и новых стилей. Одутловатая заучка выбелила волосы и напятила собачий ошейник. Тощий паренек из команды по легкой атлетике весь июль и август тягал железо и купал футболки в облипочку.

Однако на мне взгляды задерживаются дольше, потому что хоть я и новенький, но веду себя не так. Я едва замечая номера на кабинетах, мимо которых прохожу. Вскоре и так выяснится, где у меня занятия, — зачем волноваться? Кроме того, я в этом руку набил. За последние три года я сменил дюжину школ. И я кое-что ищу.

Мне нужно подключиться к социальной трубе. Нужно, чтобы люди со мной разговаривали, чтобы я мог задать им вопросы, на которые мне нужны ответы. Поэтому при каждом переводе я всегда высматриваю пчелиную царицу.

Такая есть в каждой школе. Девочка, которая знает все и всех. Наверное, можно попробовать закорешиться с главным спортсменом, но это мне никогда толком не давалось. Мы с папой не смотрели спорт по телику и не играли в мяч. Я могу целый день бороться с мертвецами, но от тачбола рискую в обморок хлопнуться. Девчонки, со своей стороны, всегда легко идут на контакт. Не знаю точно, почему так. Может, дело в ауре чужака и удачно подобранном мрачном образе. Или в отцовской харизме, которая порой проступает, когда я смотрюсь в зеркало. Или я просто чертовски хорош собой. Поэтому я фланирую по коридорам, пока наконец не вижу ее, улыбающуюся и окруженную людьми.

Ошибка исключена: школьные королевы всегда смазливы, но эта настоящая красавица. Почти метровый каскад золотых волос, и губы цвета спелых персиков. Как только она замечает меня, на подбородке у нее появляется ямочка. Улыбка ей к лицу. Эта девица получает в «Черчилле» все, что захочет. Любимица учителей, королева бала, глава партии. Она может рассказать мне все, что я хочу знать. И, надеюсь, она так и сделает.

Проходя мимо, подчеркнуто ее игнорирую. Спустя несколько секунд она покидает дружеский кружок и догоняет меня:

— Привет. Я тебя раньше в наших краях не видела.

— Только что приехал в город.

Она снова улыбается. У нее безупречные зубы и теплые шоколадные глаза. Обезоруживает мгновенно.

— Тогда тебе надо помочь освоиться. Я Кармель Джонс.

— Тезей Кассио Лоувуд. Это какие же родители называют ребенка Кармель?

Смеется:

— Это какие же родители называют ребенка Тезей Кассио?

— Хиппи, — отвечаю я.

— Именно.

Мы смеемся вместе, и я не так уж неискренен. Кармель Джонс в этой школе хозяйка. Это видно по тому, как она держится, словно ей в жизни не приходилось становиться на колени. Это видно по тому, как толпа рассыпается перед ней, будто птицы при виде подкрадывающейся кошки. И одновременно она не кажется надменной и не ходит с таким видом, словно ей все должны, как многие из подобных девиц. Я показываю ей свое расписание, и она замечает, что у нас общая биология четвертым уроком и, что еще лучше, общая большая перемена. Затем она оставляет меня у двери на мой второй урок и, уходя, оборачивается и подмигивает через плечо.

Пчелиные царицы просто часть работы. Порой трудно об этом не забыть.

За обедом Кармель машет мне, чтоб я сел рядом, но я не подхожу к ней вот так сразу. Я здесь не для того, чтоб на свидания бегать, и не хочу подавать ей лишних надежд. Однако она крайне привлекательна, и мне приходится напоминать себе, что популярность и обеспеченность, скорее всего, сделали ее невыносимо скучной. Для меня в ней слишком много дневного света. Сказать по правде, во всех остальных тоже. А чего вы ожидаете? Я часто переезжаю и провожу слишком много бессонных ночей, убивая тварей. Кто станет с этим мириться?

Сканирую остальную часть столовой, примечая все разнообразные группки и гадая, которая из них вернее приведет меня к Анне. Готы наверняка знают историю лучше всех, но к ним же труднее всего внедриться. Если они заберут в голову, что я всерьез настроен убить их привидение, то в итоге мне придется делать это в компании размахивающих распятиями чуваков с подведенными черным глазами. Вдобавок эти несостоявшиеся Баффи Истребительницы Вампиров^[15] еще и в Твиттер будут постить за моей спиной.

— Тезей!

Черт, забыл предупредить Кармель, чтобы называла меня Кас. Не хватало еще, чтоб имя Тезей разошлось по школе и прилипло ко мне. Пробираюсь к ее столу, попутно замечая, как округляются у народа глаза. С десятков девиц, вероятно, только что в меня втюрились, потому что видят, что я нравлюсь Кармель. По крайней мере, так утверждает социолог у меня в голове.

— Привет, Кармель.

— Привет. Как тебе СУЧ?

Мысленно делаю пометку никогда не пользоваться этой аббревиатурой.

— Неплохо, спасибо за утреннюю экскурсию. И, кстати, большинство людей зовут меня Кас.

— Каз?

— Ага, только не «з», а «с». Что у вас тут на обед?

— Обычно мы ходим в «Пицца Хат», вон там. — Она неопределенно кивает, и я поворачиваюсь взглянуть примерно в ту сторону. — Итак, Кас, что привело тебя в Тандер-Бей?

— Пейзажи, — говорю и улыбаюсь. — А если сказать честно, ты мне неверишь.

— А ты попробуй.

Приходит мысль, что Кармель Джонс точно знает, как получить желаемое. Но она также предоставила мне возможность быть предельно откровенным. Губы уже складывают фразу «Анна, я здесь ради Анны», когда сзади к нам подкатывается Троянская Армия в одинаковых, как с конвейера, футболках Черчилльской команды по борьбе.

— Кармель, — говорит один из них.

Я, даже не глядя, знаю, что он либо является, либо являлся до самого недавнего времени бойфрендом моей собеседницы. Он произносит ее имя словно смакуя. Судя по реакции Кармель — вздернутый подбородок и выгнутая бровь, — догадываюсь, что скорее бывший.

— Будешь сегодня? — спрашивает он, полностью игнорируя меня.

С весельем наблюдаю за ним. У местных спортсменов в четвертом проходе синяя мигалка.

— А что сегодня? — спрашиваю я.

— Ежегодная вечеринка «На краю света». — Кармель закатывает глаза. — Мы всегда что-нибудь подобное устраиваем вечером первого школьного дня.

Угу, всегда, с момента выхода «Правил секса»^[16].

— Круто, — говорю.

Неандертальца у меня за спиной игнорировать больше нельзя, поэтому протягиваю руку и представляюсь.

Только исключительный быдлан откажется пожать мне руку. И я только что такого встретил. Он кивает на меня и бурчит:

— В чем дело?

Представляться не чешется, но это делает Кармель:

— Это Майк Эндовер. — Указывает на остальных: — А также Чейз Патнэм, Саймон Пери и Уилл Розенберг.

Все они кивают мне как совершеннейшие уроды, за исключением Уилла Розенберга — тот пожимает-таки мне руку. Он единственный не выглядит законченным мудаком. Школьную куртку он носит нараспашку и слегка сутулится, словно до некоторой степени стыдится ее или, по крайней мере, нынешней компании.

— Ну так ты идешь или что?

— Не знаю, — отвечает Кармель. Тон у нее раздраженный. — Посмотрим.

— Мы будем у водопада часам к десяти, — говорит он. — Дай мне знать, если тебя надо подвезти.

Когда он уходит, Кармель вздыхает.

— О чем они говорят? Водопады? — притворяюсь заинтересованным я.

— Вечеринка у водопада Какабека. Место каждый год меняется, чтоб полицию со следа сбить. В прошлом году собирались у водопада Тробрэдж, но все перепугались, когда... — Она умолкает.

— Когда что?

— Ничего. Просто кучка страшилок про привидения.

Неужто мне так повезло?! Обычно проходит неделя, прежде чем находится удобный предлог навести разговор на призраков. Этот вопрос не так-то легко поднять.

— Обожаю истории о привидениях. На самом деле, мне страшно хочется послушать хорошую страшилку. — Пересаживаюсь напротив нее, ставлю локти на стол и подаюсь вперед. — И мне очень нужен кто-нибудь, кто познакомил бы меня с ночной жизнью Тандер-Бей.

Она смотрит мне прямо в глаза:

— Можем взять мою машину. Где ты живешь?

Кто-то за мной следит. Ощущение такое острое, что я просто чувствую, как мои собственные глаза пытаются просочиться сквозь череп и раздвинуть волосы на затылке.

Обернуться не позволяет гордость — на моем счету слишком много жуткой хрени, чтобы вскидываться из-за какого-то наблюдающего за мной человека. К тому же имеется отличный от нуля шанс, что это всего лишь паранойя. Но мне так не кажется. Там позади что-то есть, и это что-то еще дышит, и мне от этого не по себе. У мертвых простые мотивы: ненависть, боль и растерянность. Они убивают просто потому, что им больше ничего не осталось. У живых же имеются потребности, и тот, кто следует за мной, хочет чего-то от меня или что-то мое. Это заставляет нервничать.

Я упрямо смотрю вперед, нарочито не тороплюсь и старательно дожидаясь переключения светофора на каждом перекрестке. Мысленно я клянусь себя, что откладываю покупку новой машины, и прикидываю, где бы проболтаться часок-другой, дабы перегруппировать силы и избежать слежки до дому. Останавливаюсь, скидываю с плеча кожаный рюкзак и шарю внутри, пока рука не стискивает ножны атама. Это меня бесит.

Иду мимо кладбища, пресвитерианского, кажется. Печальное, неухоженное место, на могильных камнях безжизненные цветы и ленты, истрепанные ветрами и заляпанные грязью. Один из ближних камней валяется на земле — упал замертво, как и похороненные под ним. При всей печальности здесь тихо, ничего не меняется, и это меня немного успокаивает. В центре стоит женщина, вдовья старуха, и смотрит на могилу мужа. Шерстяное пальто на ней стоит колом, а нижняя челюсть подвязана тонким носовым платком. Я слишком занят преследователем, и до меня только через минуту доходит, что она надела шерстяное пальто в августе.

В горле першит. Она поворачивает голову на звук, и мне даже отсюда видно, что глаз у нее нет. Только серые камни там, где некогда были глаза, однако мы не моргая смотрим друг на друга. Морщины у нее на щеках так глубоки, словно нарисованы черным маркером. Наверняка у нее имеется своя история, выворачивающая душу история о горе, от которого у нее глаза окаменели и из-за которого она приходит сюда глядеть на, как я теперь подозреваю, собственную могилу. Но в данный момент за мной следят. У меня нет на нее времени.

Откидываю клапан рюкзака и вытаскиваю нож за рукоять, показывая клинок только мельком. Старуха растягивает губы и размыкает зубы в беззвучном шипении. Затем она отступает, медленно погружаясь в землю — словно смотришь на кого-то, кто машет тебе с эскалатора. Страх я не испытываю, лишь тоскливую неловкость оттого, что так долго не замечал, что она мертва. Она могла попытаться меня напугать, подберись она поближе, но она не из тех призраков, что убивают. Будь на моем месте кто другой, просто не заметил бы ее. Но я настроен на такие вещи.

— Я тоже.

От голоса прямо за плечом я подсакиваю. Рядом стоит паренек, и стоит он так уже бог знает сколько. Нечесанные черные волосы, очки в черной оправе, тощее нескладное тело прячется под плохо сидящей одеждой. Кажется, видел его в школе. Он кивает на кладбище.

— Страшненькая старушенция, а? — говорит он. — Не переживай. Она безобидная, является минимум трижды в неделю. А мысли я могу читать, только когда человек думает о чем-то по-настоящему крепко. — Он криво улыбается. — Но у меня такое ощущение, что ты всегда крепко думаешь.

Слышу где-то рядом глухой стук и соображаю, что это я отпустил атам. Это он с таким звуком ударился о дно рюкзака. Я понимаю, что это и есть тот, кто шел за мной, и знание приносит облегчение. В то же время перспектива общения с телепатом сбивает с толку.

Я уже встречал телепатов. Кое-кто из отцовских друзей обладает этой способностью —

в разной степени. Папа говорил, это полезно. А по-моему, в основном стремно. Перед первой встречей с его другом Джексонем, которого сейчас очень люблю, я подбил свою бейсболку фольгой. Что? Мне было пять лет. Я думал, это поможет. Но в данный момент у меня под рукой ни фольги, ни бейсболки, и я стараюсь думать помягче... что бы это, черт подери, ни значило.

— Ты кто? — спрашиваю. — Почему ты следишь за мной?

И тут я понимаю. Это он навел Ромашку. Некий парнишка-телепат захотел поучаствовать в деле. Откуда бы иначе он узнал, что за мной стоит следить? Откуда бы он узнал, кто я такой? Он ждал. Ждал, пока я объявлюсь в школе, словно пресловутая змея в траве.

— Жрать хочешь? Умираю с голоду. Я не так долго за тобой шел. Моя машина там, сзади.

Он поворачивается и уходит, обтрепанные края джинсов чуть слышно шуршат по тротуару. Походка у него как у битой собаки — голова опущена, руки в карманах. Не знаю, где он откопал эту пыльно-зеленую куртку, но подозреваю, что она с армейских складов в паре кварталов отсюда.

— На месте все объясню, — бросает он через плечо. — Идем.

Не знаю почему, но иду за ним.

Он водит «Форд темпо». Кузов у машинки примерно шести оттенков серого, и тарыхтит она так, словно очень сердитый мальчишка играет в ванне в моторную лодку. Он привозит меня в забегаловку под названием «Миска суши». Снаружи выглядит сущей дырой, но внутри оказывается неплохо. Официантка спрашивает, предпочитаем мы традиционные сиденья или обычные. Оглядываюсь и вижу несколько низеньких столиков с циновками и подушками вокруг.

Быстро отвечаю «обычные», пока не влез Псих с Армейских Складов. Мне прежде не доводилось есть с колен, и в данный момент вовсе не хочется выглядеть так же неловко, как я себя чувствую. Говорю парню, что никогда не ел суши, и он заказывает на нас обоих, однако чувство растерянности не проходит. Я словно застрял в одном из всем знакомых снов, когда ты видишь, что делаешь глупости, орешь самому себе, что это глупо, но твое «я-во-сне» все равно продолжает это делать.

Парнишка садится напротив меня и улыбается как идиот.

— Видел тебя сегодня с Кармель Джонс, — говорит он. — Ты времени даром не теряешь.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю.

— Просто помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Ты ее уже получил.

Тут приносят еду, две тарелки с круглым непонятно чем, одно круто прожарено, другое покрыто оранжевыми точечками.

— Попробуй, — говорит он.

— Что это?

— Ролл «Филадельфия».

Я с сомнением разглядываю тарелку:

— А что это за оранжевая штука?

— Тресковая икра.

— Блин, что такое тресковая икра?

— Яйца трески.

— Нет, спасибо. — Как же хорошо, что через улицу есть «Макдоналдс». Рыбьи яйца!

Черт подери, кто этот парень?!

— Я Томас Сабин.

— Прекрати.

— Извини. — Он ухмыляется. — Просто тебя так легко читать. Я знаю, что это невежливо. И честно, я не всегда это могу.

Он запихивает в рот целый кружок обложенной рыбьими яйцами сырой рыбы. Стараюсь не дышать, пока он жует.

— Но я уже тебе помог. Помнишь Троянскую Армию? Когда эти парни сегодня подошли к тебе сзади. Кто, по-твоему, это тебе послал? Я тебя предупредил. На здоровье.

Троянская Армия. Именно так я подумал, когда Майк с компанией зашли мне сегодня за спину на обеде. Но если вдуматься, я не знаю точно, почему я так подумал. Я и видел-то их всего лишь краем глаза. Троянская Армия. Парень вложил мне в голову собственную мысль так ловко, словно записку уронил на пол в условленном месте.

А теперь он разглагольствует о том, как нелегко посылать такие шутки, как у него от этого даже кровь носом пошла. Послушать его — так он считает себя моим маленьким ангелом хранителем или вроде того.

— А за что мне тебя благодарить? За остроумие? Ты вложил мне в голову свое личное суждение. Теперь я должен гадать, почему я решил, что эти парни уроды — потому что действительно так подумал или потому что сначала так подумал ты.

— Поверь, ты со мной согласишься. И тебе не стоило бы разговаривать с Кармель Джонс. По крайней мере, пока. Она только на прошлой неделе рассталась с Майком Остолопом Эндовером. А за ним водилось сбивать людей на машине только за то, что они влюбленными глазами смотрели на нее, сидящую на пассажирском месте.

Этот парень мне не нравится. У него предубеждения. И однако, он искренен и доброжелателен, что заставляет меня несколько смягчиться. Но если он будет и дальше слушать мои мысли, я ему шины порежу.

— Мне не нужна твоя помощь, — говорю.

Лучше бы мне больше не видеть, как он ест. Однако жареная часть выглядит не так уж подозрительно и даже вроде пахнет нормально.

— Думаю, нужна. Ты уже заметил: я странноват. Ты переехал сюда сколько, семнадцать дней назад?

Тупо киваю. Ровно семнадцать дней назад мы въехали в Тандер-Бей.

— Так я и думал. Все последние семнадцать дней у меня голова болит так, как в жизни не болела. Боль психогенная, пульсирует и гнездится где-то за левым глазом. От нее все пахнет солью. Отступает только сейчас, когда мы наконец разговариваем. — Он вытирает рот и внезапно становится серьезным. — Поверить трудно, но придется. У меня такие боли возникают только тогда, когда вот-вот случится беда. А так плохо мне еще никогда не было.

Я откидываюсь назад и вздыхаю:

— Ну и как именно, по-твоему, ты мне поможешь? Кто я, по-твоему, такой?

Разумеется, ответы на эти вопросы мне известны заранее, но не помешает лишний раз проверить. Кроме того, я чувствую себя неудобно, начисто выпавшим из контекста. Умей я останавливать этот чертов внутренний монолог, было бы легче. Может, просто стоит все озвучивать? Или постоянно думать картинками: котенок играет с клубком шерсти, продавец

хот-догов на углу улицы, продавец хот-догов держит на руках котенка...

Томас промокает уголки губ салфеткой.

— Клеевая железка у тебя в рюкзаке, — говорит он. — Старая миссис Мертвые Глазки, похоже, изрядно впечатлилась.

Он щелкает палочками, берет кусочек хорошо прожаренной еды и отправляет в рот. Не переставая жевать, продолжает говорить — лучше бы он этого не делал.

— Я бы сказал, ты своего рода убийца привидений. И я знаю, что ты здесь ради Анны Корлов.

Наверное, следовало бы выяснить, что еще ему известно. Но я этого не делаю. Не хочу больше с ним разговаривать. Он и так уже слишком много обо мне знает.

Гребаный Ромашка Бристоль. Вот уж я ему лепестки-то пообрываю: посылает меня сюда, где в засаде ждет проныра-телепат, и даже не предупредил.

Смотрю на Томаса Сабина, на его бледном лице самоуверенная ухмылочка. Судя по тому, каким быстрым и непринужденным движением он поправляет очки на носу, делает он это часто. В этих бегающих голубых глазах столько уверенности: его в жизни не убедить, что его сверхъестественная интуиция ошиблась. И кто знает, сколько он уже успел прочитать у меня в мозгах.

Поддавшись порыву, хватаю с тарелки жареный рыбный кружочек и сую в рот. Еда пропитана каким-то остро-сладким соусом. На удивление вкусно, сытно и есть что пожевать. Но к рыбьим яйцам по-прежнему не притрагиваюсь. Хватит с меня. Если не получается убедить его, что я не тот, кем он меня считает, по крайней мере надо выбить его из седла и послать на фиг.

Складываю брови в озадаченную гримасу:

— Какая такая Анна?

Он моргает, а когда принимается блять, я подаюсь вперед, опершись на локти:

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно, Томас. Я ценю подсказку. Но никакой кавалерии нет, и я не набираю рекрутов. Тебе понятно? — А затем, прежде чем он успевает возразить, думаю крепко, думаю обо всех мерзостях, когда-либо совершенных мной, о мириадах способов, какими на моих глазах истекали кровью, горели и разрывались на части. Посылаю ему взрывающиеся в глазницах глаза Питера Карвера. Посылаю истекающего черным гноем стопщика Графства 12, кости которого обтягивает высыхающая кожа.

Это все равно что бить его по лицу. Голова у него по-настоящему запрокидывается, на лбу и на верхней губе выступает пот. Он сглатывает, кадык ходит вверх-вниз. По-моему, бедняга вот-вот расстанется со своими суши.

Он не возражает, когда я прошу принести счет.

Разрешаю Томасу подвезти меня до дома. Стоило ослабить оборону, как он перестал так действовать мне на нервы. Поднимаясь по крыльцу, слышу, как он опускает окно и неуклюже интересуется, собираюсь ли я на вечеринку на Краю Света. Ничего не отвечаю. Видение этих смертей послужило ему отличной встряской. Он все больше кажется мне просто одиноким парнишкой, и я не хочу повторять ему, чтобы держался от меня подальше. Кроме того, если он и правда такой экстрасенс, то ему и спрашивать не надо.

Захожу и ставлю рюкзак на кухонный стол. Мама дома, нарезает травы то ли для обеда, то ли для одного из бесконечно разнообразных магических снадобий. Вижу земляничные листья и корицу. Либо приворотное зелье, либо намечается коврижка. Желудок делает сальто и хлопает меня по плечу, поэтому направляюсь к холодильнику, чтобы сделать себе бутерброд.

— Привет. Через час ужинать будем.

— Знаю, но я хочу есть сейчас. Растущий организм. — Достаяю майонез, мраморный сыр и копченую колбасу. Нашаривая хлеб, параллельно думаю обо всем, что мне сегодня надо сделать. Атам чист, но это на самом деле не важно. Встреч с покойниками не предвидится, какие бы слухи по школе ни ходили. Ни разу не слышал, чтобы призрак напал на группу больше десяти человек. Такое только в ужастиках случается.

План на сегодня постепенно складывается. Я хочу услышать историю Анны. Хочу найти людей, которые приведут меня к ней. Ромашка поведал мне немало — ее фамилию, ее возраст, — но он не сказал мне, где она появляется. Он знал только, что это происходит в доме ее семьи. Разумеется, я мог бы пойти в местную библиотеку и вычислить место жительства семейства Корлов. Такое событие, как убийство Анны, наверняка попало в газеты. Но какая в том радость? Это же моя любимая часть охоты. Знакомиться с ними все ближе. Слушать легенды о них. Я хочу, чтобы они заполнили мое сознание до предела, и тогда при встрече я не буду разочарован.

— Как прошел день, мам?

— Хорошо, — отзывается она, склоняясь над разделочной доской. — Надо позвонить морильщику. Убирала на чердак коробку с пластиковой посудой и увидела, как за одной из стенных досок исчезает крысиный хвост. — Она вздрагивает и кривится от отвращения.

— А чего ты просто не запустишь туда Тибальта? Понимаешь, кошки именно для этого и предназначены. Ловить мышей и крыс.

Глаза ее округляются от ужаса:

— Фу. Я не хочу, чтоб он подхватил глистов, пожевав какую-то мерзкую крысу. Просто позвоню морильщику. Или можешь подняться туда и поставить мышеловки.

— Обязательно, — говорю. — Но не сегодня. Сегодня у меня свидание.

— Свидание? С кем?

— С Кармель Джонс. — Улыбаюсь и качаю головой. — Это по работе. Сегодня в парке у водопада какая-то вечеринка, там мне наверняка удастся раздобыть конкретную информацию.

Мама вздыхает и снова принимается за нарезку.

— Она хорошая девочка? — Как обычно, ее клинит не на той части новостей. — Мне не нравится думать, что ты все время используешь этих девушек.

Смеюсь, прыгиваю с кухонной стойки и сажусь рядом с ней. Тырю клубничину.

— Ты говоришь так, как будто это что-то плохое.

— Использование ради благой цели все равно использование.

— Я в жизни не разбивал сердец, мам.

Она цокает языком:

— И влюблен тоже никогда не был, Кас.

Разговоры с моей мамой о любви хуже тех, что включают в себя птичек и пчелок, поэтому я бормочу что-то насчет бутерброда и смываюсь с кухни. Мне не нравится подозрение, что я собираюсь сделать кому-то больно. Неужели она думает, что я не соблюдаю осторожность? Неужели не понимает, на какие ухищрения я иду, чтобы удерживать людей на расстоянии вытянутой руки?

Вгрызаюсь в бутерброд и стараюсь не заводитьсь. В конце концов, она просто ведет себя как мама. Однако то, что за все эти годы я ни разу не приводил домой друзей, должно было бы навести ее на некоторые мысли.

Но теперь не время об этом думать. Это ненужные осложнения. Уверен, рано или поздно подобное случится. Или не случится. Не стоит заикливаться на этом. В любом случае, не могу представить, чтобы я завязал. Всегда будут мертвые, и мертвые всегда будут убивать.

Кармель заезжает за мной чуть позже девяти. Выглядит она шикарно — розовый топ на бретельках и короткая юбка цвета хаки. Светлые волосы распущены. Мне следовало бы улыбнуться, сказать что-то приятное, но я замечаю, что сдерживаюсь. Мамины слова вмешиваются в мою работу.

Кармель водит серебристую «Ауди» не старше двух лет. Машина уверенно вписывается в повороты, и мы несемся мимо незнакомых дорожных знаков — одни напоминают футболку Чарли Брауна^[17], а другие предупреждают, что на машину может напасть лось. Смеркается, свет приобретает оранжевый оттенок. Воздух становится влажным, а ветер с силой бьет в лицо. Хочется высунуть голову из окна как собака. По выезде из города уши у меня встают торчком: я выслушиваю ее — Анну, — гадая, чувствует ли она, что я удаляюсь.

Я ощущаю ее присутствие здесь, смешанное с гумусом сотен других призраков. Одни просто безобидно шаркают, другие полны злобы. Не представляю, что значит быть мертвым, — странная мысль для меня, учитывая знакомство с таким множеством привидений. Это по-прежнему тайна. Я не совсем понимаю, почему одни люди остаются, а другие нет. Гадаю, куда ушли те, кто уходит. Интересно, а те, кого убиваю я, попадают в одно и то же место?

Кармель спрашивает меня про уроки и про мою старую школу. Отделяюсь расплывчатыми ответами. Пейзаж мгновенно сделался сельским, и мы проезжаем через городок, где половина зданий утратила форму и обвалилась. Во дворах припаркованы машины, покрытые многолетней ржавчиной. Это напоминает о местах, где я бывал раньше, и до меня доходит, что я побывал слишком много где. Ничего нового больше может и не оказаться.

— Ты же пьешь? — спрашивает меня Кармель.

— Ага, конечно. — На самом деле не то чтобы. У меня не было возможности выработать такую привычку.

— Круто. Бутылки всегда есть, но обычно кто-нибудь ухитряется установить в багажнике бочонок.

Она включает поворотник и съезжает с дороги в парк. Из-за деревьев доносится зловещий шум водопада. Поездка пролетела быстро — по большей части я не обращал внимания на дорогу. Слишком занят был размышлениями о мертвых, и особенно об одной мертвой девушке в красивом платье, покрасневшем от ее собственной крови.

Вечеринка как вечеринка. Множество лиц и имен, которые я потом безуспешно пытаюсь связать друг с другом. Все девчонки хихикают и стараются произвести впечатление на остальных присутствующих. Парни кучкуются группками, оставив большую часть головного мозга в машинах. Я одолел два пива, третье нянчу в руках уже почти час. Скука смертная.

Край Света вообще никаким краем не кажется, если не понимать это буквально. Мы все собрались возле водопада, цепочки людей стоят и смотрят на пролетающую над черными камнями массу коричневой воды. Воды на самом деле не так уж много. Я слышал, кто-то говорит: мол, лето было сухое. Однако ущелье, со временем пробитое водой в скалах, внушает благоговение — с двух сторон крутые обрывы, а в центре водопада башней высится останец, на который я с удовольствием забрался бы, будь у меня более подходящая обувь.

Я хочу улучшить момент пообщаться с Кармель наедине, но, с тех пор как мы прибыли, Майк Эндовер перебивает ее при каждой возможности и так силится испепелить меня взглядом, словно гипнотизирует. А каждый раз, когда нам удастся избавиться от него, появляются подружки Кармель, Натали и Кати, и выжидательно на меня смотрят. Я даже не уверен, кто из них кто — обе брюнетки и очень похожи друг на друга, вплоть до одинаковых заколок. Чувствую, что много улыбаюсь и испытываю странное побуждение демонстрировать остроумие. Давление пульсирует в висках. Стоит мне что-то сказать, они хихикают, переглядываются, словно спрашивают друг у друга разрешения смеяться, и снова смотрят на меня в ожидании следующей остроты. Боги, до чего же живые раздражают!

Наконец некая барышня по имени Венди начинает блевать через перила, и это отвлекает остальных настолько, что мне удастся взять Кармель под руку и пройти с ней наедине по деревянному тротуару. Я хотел перейти на ту сторону, но, когда мы добираемся до середины и глядим вниз с вершины водопада, она останавливается.

— Тебе весело? — спрашивает она. Я киваю. — Ты всем нравишься.

Представления не имею почему. Я не сказал ничего интересного. Не думаю, что интересное есть и во мне самом, кроме одной вещи, о которой я никому не рассказываю.

— Может, я нравлюсь всем, потому что всем нравишься ты, — говорю я подчеркнуто и ожидаю, что она меня засмеет или отпустит замечание насчет лести, но нет. Вместо этого она просто тихо кивает: мол, я, вероятно, прав. А она умная и знает себе цену. Недоумеваю, как ее угораздило встречаться с парнем вроде Майка. Да хоть с кем из Троянской Армии.

Мысль об Армии заставляет вспомнить о Томасе Сабине. Я думал, он будет здесь, хоронясь за деревьями, повторяя каждое мое движение словно влюбленный... ну, как влюбленный школьник, но я его не видел. После бесконечной пустопорожней болтовни, выпавшей сегодня на мою долю, я до некоторой степени об этом жалею.

— Ты собиралась рассказать мне о привидениях, — говорю я.

Кармель озадаченно моргает, а потом расплывается в улыбке:

— Собиралась.

Она откашливается и старательно начинает, излагая технические подробности прошлогодней вечеринки: кто был, что делал, почему пришли с тем или иным спутником. Полагаю, она хочет, чтобы у меня сложилась полная и реалистичная картина. Наверное,

кому-то это нужно. Лично я из тех, кто предпочитает заполнять лакуны самостоятельно. Наверное, так получается лучше, чем было на самом деле.

Наконец она переходит к мраку, мраку, наполненному пьяными и ненадежными подростками, и я слышу замысленный пересказ гулявших в ту ночь страшилок. Про пловцов и туристов, погибших при водопаде Тробрэдж, где вечеринка проходила в том году. Про то, как им нравилось подстраивать людям те же несчастные случаи, которые произошли с ними самими, и что не один человек стал жертвой невидимого толчка с края утеса или невидимой руки, утащившей его на стремнину. Эта часть заставляет меня наострить уши. Исходя из того, что мне известно о привидениях, звучит правдоподобно. В большинстве своем они любят передавать дальше то плохое, что с ними случилось. Взять, к примеру, того же стопщика.

— И тут Тони Гибни и Сюзанна Норманн с визгом прибегают с одной из тропинок и орут, мол, на них что-то напало, пока они там целовались. — Кармель качает головой. — Уже было очень поздно, и многие из нас реально струхнули, поэтому мы попрыгали в машины и снялись оттуда. Я ехала с Майком и Чейзом, за рулем сидел Уилл, и когда мы выезжали из парка, что-то спрыгнуло на дорогу прямо перед нами. Я так и не знаю, откуда оно взялось, сбежало ли по склону холма или сидело на дереве. Выглядело как большая облезлая пума или что-то вроде. Ну, Уилл дал по тормозам, а тварь просто замерла на мгновение. Я думала, она прыгнет на капот — клянусь, я бы заорала. Но вместо этого она оскалилась и зашипела, а потом...

— Что потом? — подталкиваю я, зная, что от меня этого ждут.

— ...а потом она выскользнула из пятна света от фар, встала на две ноги и ушла в лес.

Я смеюсь, и она бьет меня по руке.

— Я плохо рассказываю, — говорит она, но и сама с трудом сдерживает смех. — У Майка лучше получается.

— Ага, наверное, он использует больше ругательных слов и руками больше размахивает.

— Кармель.

Оборачиваюсь — опять Майк, с Чейзом и Уиллом по бокам. Имя Кармель он выплюнул словно липкую паутину. Странно, что такое имя может звучать как щелчок хлыста.

— Что такого смешного? — спрашивает Чейз.

Он тушит сигарету о перила и убирает окурок обратно в пачку. Я несколько озадачен, но впечатлен его экологической сознательностью.

— Ничего, — отвечаю. — Просто последние двадцать минут Кармель рассказывала мне, как в прошлом году вы, парни, все вместе повстречали йети.

Майк улыбается. Это что-то новенькое. Что-то не так, и дело, по-моему, не только в том, что они все бухие.

— Ясен пень, это правда, — говорит он.

И я понимаю, что не так — он проявляет ко мне дружелюбие. Смотрит на меня, а не на Кармель. Ни на секунду не верю в его искренность. Он просто испытывает новый прием. Он чего-то хочет или, хуже того, собирается одурачить меня.

Я слушаю, как Майк пересказывает мне ту же историю, которую Кармель только что закончила, с куда большим количеством ругательств и размахиваний руками. Версии на удивление схожи, но я не знаю, означает ли это вероятную точность сведений или они оба просто повторяли эту байку очень много раз. Договорив, он как бы покачивается на месте, и вид у него потерянный.

— Стало быть, ты увлекаешься рассказами о привидениях? — спрашивает Уилл Розенберг, заполняя паузу.

— Обожаю, — говорю я, чуть выпрямляясь. От воды тянет во все стороны влажным ветерком, и моя черная футболка начинает липнуть к телу, становится зябко. — По крайней мере, когда они не заканчиваются тем, что похожий на кота йети перешел дорогу, но не почесался ни на кого напасть.

Уилл усмехается:

— Понимаю. Такая история должна заканчиваться ударной фразой: «И маленькая киска никому не причинила вреда». Говорю им, чтоб добавили, но никто не слушает.

Я тоже смеюсь, хотя и слышу, как Кармель шепчет моему плечу что-то насчет того, как это отвратительно. Да ладно. Уилл Розенберг мне нравится. У него и впрямь есть мозги. Разумеется, это делает его самым опасным из этой троицы. Судя по тому, как Майк стоит, он ждет, пока Уилл что-то устроит, дабы принять в этом участие. Из чистого любопытства решаю облегчить ему задачу.

— А получше ни одной не знаете? — спрашиваю.

— Знаю, — отзывается он.

— Я от Натали слышал, что твоя мама вроде как ведьма, — перебивает Чейз. — Кроме шуток?

— Кроме шуток, — пожимаю плечами я. — Она предсказывает будущее, — объясняю я Кармель. — Продает через Интернет свечи и всякое такое. Ты не поверишь, сколько денег крутится в этом бизнесе.

— Круто, — улыбается Кармель. — Может, когда-нибудь она и мне сеанс устроит.

— Иисусе! — встречает Майк. — Только этого городу не хватало: еще одного проклятого придурка. Если твоя мама ведьма, ты сам тогда кто? Гарри Поттер?

— Майк, — говорит Кармель. — Не свиней.

— Думаю, ты просишь слишком многого, — негромко говорю я, но Майк не обращает на меня внимания и спрашивает Кармель, какого черта она болтается с таким уродом.

Это очень лестно. Кармель начинает нервничать, словно подозревает, что Майк может выйти из себя и ударом скинуть меня через перила в мелкую воду. Бросаю взгляд с обрыва. В темноте трудно разглядеть, как там глубоко, но вряд ли глубины достаточно, чтобы смягчить падение. Наверняка сломаю шею о камень или еще что. Стараюсь оставаться спокойным и собранным, руки держу в карманах. В то же время надеюсь, что мой безразличный вид его бесит, потому что его выпады в адрес мамы и насчет моего сходства с никчемным мальчишкой-волшебником меня разозлили. Если он сбросит меня с обрыва в водопад прямо сейчас, в итоге я, скорее всего, стану бродить среди мокрых скал, мертвый, и высматривать его, не в силах упокоиться, пока не съем его сердце.

— Майк, остынь, — говорит Уилл. — Хочет он историю с привидением? Давай расскажем ему нормальную. Ту, от которой младшеклассники по ночам просыпаются.

— Это какую? — спрашиваю. Волосы на загривке встают дыбом.

— Про Анну Корлов. Анну-в-Алом.

Ее имя движется в темноте словно танцовщица. Услышать его, произнесенное еще чьим-то голосом, вне моей головы... Я вздрагиваю.

— Анна в алом? Как люди в черном?

Я специально иронизирую, потому что насмешка их заденет. Они постараются сделать историю еще страшнее, а мне того и надо. Но Уилл смотрит на меня странно, словно

удивляется, откуда я знаю этот фильм.

— Анна Корлов умерла в шестнадцать лет, — говорит он, помолчав. — Ей перерезали горло от уха до уха. Когда это случилось, она направлялась на школьный бал. Тело обнаружили на следующий день, все покрытое мухами, а ее белое платье промокло от крови.

— Говорят, это ее хахаль сделал, нет? — вставляет Чейз как образцовая подсадная утка.

— Была и такая версия, — пожимает плечами Уилл. — Потому что он покинул город спустя пару месяцев после случившегося. Но все видели его на танцах в тот вечер. Он спрашивал про Анну и думал, что она его просто кинула.

Но не имеет значения, как она умерла. И кто ее убил. Важно то, что мертвой она не осталась. Спустя примерно год после того, как ее обнаружили, она объявилась в собственном старом доме. Понимаешь, его продали за полгода до этого — Аннина маменька сыграла в ящик от инфаркта. А рыбак с семейством купил его и въехал. Анна убила всех. Разорвала в клочья. Головы и руки сложила кучками у подножия лестницы, а тела развесила в подвале.

Обвожу взглядом бледные лица собравшейся вокруг небольшой толпы. Некоторым явно не по себе, включая Кармель. Большинство просто с любопытством ждут моей реакции.

Ускоряю дыхание, но старательно изображаю скепсис, задавая следующий вопрос:

— А откуда ты знаешь, что это был не просто какой-то бродяга? Какой-нибудь психопат, вломившийся в дом, пока рыбак отсутствовал?

— Оттуда, что полиция замаяла это дело. Никого не арестовали. Даже не расследовали толком. Просто опечатали дом и сделали вид, будто ничего не случилось. Это оказалось легче, чем думали. Люди на самом деле очень охотно забывают подобные вещи.

Киваю. Верное наблюдение.

— Это и еще слова, написанные кровью по всем стенам: Anna taloni. «Аннин дом».

Майк ухмыляется:

— К тому же никто не способен так раздербанить тело. Рыбак был дядька в двести пятьдесят фунтов весом. А она ему руки и голову оторвала. Надо иметь сложение как у Скалы^[18], доверху закинуться амфетамином и получить укол адреналина в сердце, чтобы суметь начисто открутить башку двухсотпятидесятифунтовому амбалу.

Я фыркаю, и Троянская Армия ржет.

— Он нам не верит, — ноет Чейз.

— Он просто испугался, — бросает Майк.

— Заткнитесь! — рявкает Кармель и берет меня под руку. — Не обращай на них внимания. Им охота подраться с тобой с той минуты, когда они увидели, что мы можем подружиться. Смешно же. Фигня для первоклашек, типа произнести «Кровавая Мэри» перед зеркалом на пижамной вечеринке.

Мне хочется сказать ей, что всё совсем не так, но я этого не делаю. Вместо этого ободряюще пожимаю ей руку и поворачиваюсь обратно к парням:

— Ну и где же этот дом?

И, разумеется, они переглядываются так, словно именно это и хотели услышать.

Мы уезжаем с водопадов и мчимся обратно к Тандер-Бей. Оранжевые уличные фонари и разноцветные светофоры сливаются в марево. Чейз с Майком хохочут, опустив окна, и болтают об Анне, насыщая ее историю подробностями. Кровь гудит в ушах так громко, что я забываю поглядывать на дорожные знаки, забываю наносить свой путь на карту.

Чтобы улизнуть с праздника и убедить остальных продолжать пить и наслаждаться жизнью на Краю Света, потребовалась некоторая деликатность и даже хитрость. Кармель реально пришлось применить к Натали и Кати прием «Ой, что это там?», прежде чем нырнуть в Уиллов внедорожник. Но теперь мы просто течем сквозь летний воздух.

— Ехать далеко, — говорит мне Уилл, и я припоминаю, что на прошлогодней вечеринке у водопада Троубридж роль «трезвого руля» выпала тоже ему. Это вызывает у меня любопытство; из-за статуса ТР может показаться, будто он болтается с этими тупарями, просто чтобы быть как все, но он слишком умен, и что-то в его манере держаться подсказывает, что именно он двигает фигуры без ведома остальных. — Она за городом. К северу от нас.

— А что мы будем делать, когда доедем? — спрашиваю я, и все смеются.

Уилл пожимает плечами:

— Пива выпьем, покидаемся бутылками в дом. Не знаю. А это важно?

Не важно. Сегодня я Анну убивать не буду, только не на глазах у всех этих людей. Я просто хочу побывать там. Ощутить ее присутствие по ту сторону оконного стекла, почувствовать, как она наблюдает за мной, смотрит во все глаза или отступает в глубь дома. С самим собой я честен, я знаю, что Анна Корлов завладела моим сознанием, как мало кто из прежних моих привидений. Не знаю почему. Кроме нее только еще один-единственный призрак занимает мои мысли с такой же силой, вызывая такую же бурю чувств, — это призрак, убивший моего отца.

Теперь мы едем вдоль озера, и я слышу, как волны Верхнего нашептывают мне обо всех мертвых, что скрываются на его дне, таращась из глубин мутными глазами, раздувая обглоданные рыбами щеки. Эти могут подождать.

Уилл сворачивает направо, на грунтовку, оси паркетника стонут, нас швыряет из стороны в сторону. Подняв взгляд, вижу дом, брошенный много лет назад и уже накренившийся — сутулый черный силуэт во тьме. Машина останавливается в конце бывшей подъездной дорожки, и я вылезая. Фары высвечивают нижнюю часть дома — облезлая серая краска, унылые прогнившие доски, заросшее травой и сорняками крыльцо. Старая подъездная дорожка была длинной — от входной двери меня отделяет минимум сто футов.

— А это точно он? — слышу я шепот Чейза, но я-то знаю, что да.

Знаю, потому что ветерок шевелит мои волосы и одежду — и только их. Дом напряженно собран и наблюдает за нами. Делаю шаг вперед. Пару секунд спустя у меня за спиной неуверенно хрустит гравий.

По дороге мне рассказали, что Анна убивает всякого, кто входит в дом. Рассказали о бродягах, завернувших сюда в поисках ночлега и выпотрошенных, стоило им улечься. Разумеется, узнать об этом ребятам было неоткуда, но это, скорее всего, правда.

Позади раздается резкий звук, а затем быстрые шаги.

— Это глупо! — рывкает Кармель. Похолодало, и она надела поверх маечки серый

кардиган. Она держит руки в карманах юбки и сутулится. — Преспокойно могли бы остаться на празднике.

Никто не слушает. Все дружно прихлебывают пиво и разговаривают слишком громко, чтобы скрыть нервозность. Я осторожно подбираюсь ближе к дому, обшаривая взглядом одно окно за другим, высматривая движение, которого там быть не должно. Пригибаюсь — мимо головы пролетает жестянка из-под пива, приземляется на подъездной дорожке и отскакивает к крыльцу.

— Анна! Эй, Анна! Выходи играть, дохлая стерва!

Майк хохочет, Чейз перекидывает ему очередную банку пива. Даже в нарастающей темноте я вижу, что щеки у него горят от бухла. Его начинает шатать.

Мой взгляд мечется между ними и домом. Как бы мне ни хотелось продолжить исследование, собираюсь остановиться. Это неправильно. Теперь, когда они здесь и трусят, они смеются над ней, пытаются превратить её в шутку. Очень хочется заехать каждому из них по башке полной банкой пива, и да, я чувствую лицемерие в своем желании защитить нечто, что я намерен убить.

Смотрю мимо них на нервно переминающуюся с ноги на ногу Кармель. Она обхватила себя руками, спасаясь от знобкого ветра с озера. Светлые волосы в серебристом свете разлетаются вокруг лица паутинкой.

— Ну же, парни, давайте выбираться отсюда. Кармель уже вся на нервах, а там все равно ничего нет, кроме пауков и мышей.

Пытаюсь пройти, но Майк с Чейзом хватают меня под руки. Замечаю, что Уилл отошел к Кармель и что-то негромко ей втирает, нагнувшись и показывая на ожидающую машину. Она мотает головой и делает шаг к нам, но он ее удерживает.

— Ни за что не уедем, не заглянув внутрь, — говорит Майк.

Они с Чейзом разворачивают меня и ведут по подъездной дорожке, шагая по бокам, словно конвоирующие заключенного тюремщики.

— Прекрасно.

Я сопротивляюсь меньше, чем следовало бы. Потому что сам хочу поглядеть поближе. Просто предпочел бы, чтоб в этот момент их не было рядом. Машу Кармель, чтобы показать ей, что все в порядке, и стряхиваю парней.

Едва поставив ногу на первую заплесневелую ступеньку крыльца, я чувствую, как дом напрягается, словно затаивает дыхание, пробуждаясь от долгой неприкосновенности. Поднимаюсь на оставшиеся две ступеньки и стою, один, перед темной серостью двери. Жалко, нет свечи или фонарика. Не разобрать, какого цвета был дом раньше. Издали казалось, что некогда он был серый, что земля вокруг усыпана серыми струпами облезшей краски, но теперь, вблизи, они кажутся сгнившими и черными.

Высокие окна по обе стороны от двери заросли грязью и пылью. Подхожу к левому и ладонью протираю на стекле прозрачный кружок. Внутри дом в основном пуст, только несколько предметов мебели небрежно разбросано по помещению. В центре, по-видимому, бывшей гостиной стоит покрытый белой простыней диван. С потолка свисают остатки люстры.

Несмотря на темноту, внутреннее пространство видно очень хорошо. Его освещают серые и голубоватые лучи, падающие непонятно откуда. Поначалу я не врубаюсь, что в этом свете такое странное, пока не соображаю, что ни один предмет не отбрасывает тени.

Шепоток заставляет меня вспомнить о присутствии Майка и Чейза. Начинаю

оборачиваться к ним, чтобы сообщить, что ничего нового я не увидел, но в отражении в окне замечаю обломок доски у Майка в руках. Он вскидывает его над головой, целясь мне в череп... и я чувствую, что довольно долго ничего никому не скажу.

Прихожу в себя от запаха пыли и ощущения, что большая часть моей головы валяется разбитая вдребезги где-то позади. Затем моргаю. Каждый выдох поднимает с неровных и древних досок пола серое облачко. Перекатываюсь на спину и понимаю, что голова-то цела, но мозг болит так, что глаза приходится снова закрыть. Понятия не имею, где нахожусь. Не помню, что делал перед тем, как попасть сюда, могу думать только о том, что мозг бултыхается внутри незакрепленный. В голове вдруг возникает картинка: какой-то первобытный олух размахивает доской. Кусочки пазла начинают становиться на место. Снова моргаю в странном сером свете.

Станный серый свет. Глаза у меня резко распахиваются. Я внутри дома.

Мозг встряхивается, как вылезший из воды пес, и с его шерсти разлетается миллион вопросов. Как долго я провалялся без сознания? В какой я комнате? Как выбраться? И, разумеется, самый важный: эти козлы что — оставили меня здесь?

На последний вопрос быстро отвечает голос Майка:

— Видишь, я же говорил, что его не убил.

Он стучит пальцем по стеклу, и я поворачиваюсь к окну, чтобы взглянуть в его идиотскую ухмыляющуюся рожу. Он несет какую-то чушь: мол, я покойник, и такое случается со всеми, кто посягает на его собственность. Именно в этот момент я слышу, как Кармель орет, что сейчас вызовет полицию, и в панике спрашивает, очнулся ли я уже.

— Кармель! — кричу я, с трудом поднимаясь на колени. — Со мной все в порядке.

— Кас! — кричит она в ответ. — Эти уроды... я не знала, клянусь!

Я ей верю. Тру затылок. На пальцах остается немного крови. На самом деле крови до фига, но я не переживаю — из ран на голове всегда течет как из крана, даже если они не больше пореза от бумаги.

Опираюсь ладонью на пол, чтобы подняться, и кровь смешивается с пылью, превращаясь в зернистую красноватую пасту.

Вставать рановато. Голова кружится. Надо лечь обратно. Комната начинает двигаться сама по себе.

— Иисусе, глянь на него. Снова лежит. Наверное, стоит вытащить его оттуда, чувак. У него, поди, сотрясение.

— Я стукнул его доской. Разумеется, у него сотряс. Не будь идиотом.

Кто бы говорил, хочется прокомментировать мне. Все происходящее кажется совершенно нереальным и бессвязным. Почти как во сне.

— Давай просто оставим его. Сам выберется.

— Придурок, мы не можем. Глянь на его башку — он все вокруг кровищей заляпал.

Пока Майк с Чейзом препираются, помочь мне или позволить умереть, чувствую, как соскальзываю обратно во тьму. Думаю, может, это и вправду так. Меня по-настоящему убили живые — просто немыслимо.

Но тут я слышу, как голос Чейза взвивается октав на пять:

— Иисусе! Господи!

— Что?! — орет Майк. В голосе его смешиваются раздражение и паника.

— Лестница! Глянь на чертову лестницу!

Я заставляю себя открыть глаза и усилием воли на дюйм-другой приподнимаю голову.

Сначала я не вижу в лестнице ничего необычного. Узковата, а парапет сломан минимум в трех местах. Но потом взгляд поднимается выше.

Это она. Она мерцает, словно изображение на экране компьютера, некий темный призрак, пробивающийся из видео в реальность. Когда рука ее стискивает перила, она обретает телесность и ступени начинают стонать и скрипеть под ее весом.

Я мягко встряхиваю головой, все ещё кружится. Я знаю, кто она, знаю, как ее зовут, но понятия не имею, почему нахожусь здесь. Внезапно до меня доходит, что я в западне. Ума не приложу, что делать. Слышу повторяющиеся панические молитвы Чейза и ругань Майка, пока они спорят, драпать или попытаться как-то вытащить меня из дома.

Анна спускается ко мне. Она скользит вниз по лестнице, не делая ни шага. Ступни жутко волочатся за ней, словно она вообще не умеет ими пользоваться. Сквозь бледную белую кожу проступают темные лиловатые вены. Волосы бездонно черные и плывут по воздуху будто подвешенные в воде, змеясь следом и колыхаясь словно водоросли. Это единственное, что в ней кажется живым.

Она не носит свои смертные раны, как другие призраки. Говорят, ей перерезали горло, а у этой девушки шея длинная и белая. Но платье на месте. Мокрое, красное, непрестаннодвигающееся. С него капает на пол.

Не замечаю, как отползаю к стене, пока не чувствую холодного давления на спину и плечи. Не могу оторвать взгляда от ее глаз. Они словно капли нефти. Невозможно определить, куда она смотрит, но я не такой дурак, чтобы надеяться, что она меня не видит. Она ужасна. Не уродлива, но совершенно нечеловеческое существо.

Сердце бухает в груди, голова болит невыносимо. Значит, надо лечь. Значит, мне не выбраться. Нет сил сражаться. Анна меня убьет, и я с удивлением обнаруживаю, что предпочитаю быть убитым такой, как она, в ее сотканном из крови платье. Лучше подвергнуться любым изобретенным ею мукам, чем тихо скончаться где-то в больнице только потому, что кто-то саданул меня по башке куском вагонки.

Она подплывает ближе. Глаза у меня закрываются, но я слышу шелест ее движений. Я слышу удар каждой жирной капли крови о половицы.

Открываю глаза. Она стоит надо мной — богиня смерти с черными губами и холодными руками.

— Анна. — Губы мои изгибаются в слабой улыбке.

Паря над полом, она смотрит на меня, жалкую тварь, прижавшуюся к ее стене. Хмурится. И вдруг резко вскидывает взгляд на окно у меня над головой. И дернуться не успеваю, как она выбрасывает руки вперед и разбивает стекло. Слышу, как Майк с Чейзом на пару орут мне чуть не в самое ухо. Вдалеке вопит Кармель.

Анна втащила Майка через окно в дом. Он орет и бьется словно пойманное животное, извивается в ее хватке и старается не смотреть ей в лицо. Его трепыхания ее, похоже, не волнуют. Руки ее неподвижны, будто мраморные.

— Отпусти меня! — блеет он. — Пусти, чувак, я просто пошутил! Пошутил!

Она ставит его на ноги. У него течет кровь из порезов на лице и руках. Он отступает на шаг. Анна скалится. Словно со стороны я слышу собственный голос, то ли умоляющий ее прекратить, то ли просто орущий, но у Майка на крик не остается времени. Она вонзает руки ему в грудь, разрывая кожу и мышцы. Затем раздвигает руки в стороны, словно пролезая в закрывающуюся дверь, и Майка Эндовера разрывает надвое. Обе половины падают на колени, дергаясь и извиваясь словно половинки червяка.

Чейзовы вопли доносятся издалека. Заводится машина. Я отползаю от месива, недавно бывшего Майком Эндовером, стараясь не глядеть на ту половину его тела, что все еще соединена с головой. Я не хочу знать, жив ли он еще. Не хочу знать, что он видит, как корчится вторая его половина.

Анна смотрит на труп спокойно. Прежде чем переключить внимание обратно на Майка, она долго глядит на меня. Кажется, она не замечает, когда вдруг распаивается дверь и меня, подхватив со спины, волокут за плечи наружу, прочь от крови, ступни пересчитывают ступеньки крыльца. Тот, кто меня тащил, отпускает ношу слишком резко, я снова бьюсь головой и больше ничего не вижу.

— Эй. Эй, чувак, ты живой?

Я знаю этот голос. Мне этот голос не нравится. Разлепляю глаза — так и есть, его рожа нависла надо мной.

— Ты заставил нас поволноваться. Наверное, не стоило давать тебе спать так долго. Наверное, надо было отвезти тебя в больницу, но мы так и не сумели придумать легенду.

— Я в норме, Томас.

Протираю глаза, затем собираю волю в кулак и принимаю сидячее положение, зная, что мир сейчас побежит вокруг и закачается, да так, что меня наверняка вырвет. Однако каким-то образом мне удастся спустить ноги на пол.

— Что случилось?

— Это ты мне расскажи. — Он прикуривает сигарету. Лучше б он ее затушил. Из-за всклокоченных волос и характерных очков он выглядит шестиклассником, стянувшим пачку у мамы из сумочки. — Что ты делал в доме Корлов?

— А ты что делал, когда следил за мной? — отзываюсь я вопросом на вопрос, принимая протянутый им стакан воды.

— Что и обещал, — отвечает он. — Только мне и в голову не приходило, что тебе настолько понадобится помощь. Да, блин, никто к ней в дом не ходит. — Его голубые глаза разглядывают меня словно неизвестную науке разновидность идиота.

— Ну, я не просто вошел и упал.

— Я тоже так подумал. Но как-то не верится, что они это сделали — затолкали тебя в дом и попытались убить.

Оглядываюсь. Понятия не имею, который час, но солнца нет, а нахожусь я в каком-то антикварном магазине. Он изрядно захламлен, но полон всяких прикольных штук, а не куч старого мусора, какие порой видишь в более убогих местах. Но все равно пахнет стариками.

Я сижу на пыльной кушетке с подушкой, почти насквозь пропитанной моей засохшей кровью. По крайней мере, я надеюсь, что это моя засохшая кровь. Надеюсь, что спал не на невесту чьем гепатитном коврике.

Смотрю на Томаса. По-моему, он в бешенстве. Он ненавидит Троянскую Армию. Вне всякого сомнения, они доставали его с детского сада. Тощий неуклюжий парнишка вроде него, да еще заявляющий, будто он ясновидящий и ошивающийся в пыльных лавках древностей, наверняка являлся их любимым объектом для макания в унитаз и натягивания трусов на голову. Но они безобидные приколисты. Не думаю, что они действительно пытались убить меня. Просто не принимали ее всерьез. Не верили в рассказы. А теперь один из них мертв.

— Черт.

Неизвестно, что теперь будет с Анной. Майк Эндовер не относится к числу ее обычных жертв — бродяг и беглецов. Он был одним из школьных заводител, завсегдатаев вечеринок, и Чейз все видел. Остается только надеяться, что он слишком напуган, чтобы идти в полицию.

Хотя копам все равно Анну не остановить. Если они войдут в дом, мертвых только прибавится. А может, она и вовсе им не покажется. И вообще, Анна — моя. Ее образ сам собой вырастает у меня в мозгу и с мгновение маячит там, бледный и сочащийся красным. Но поврежденный мозг не в силах удержать его.

Бросаю взгляд на Томаса, он по-прежнему нервно курит.

— Спасибо, что вытащил меня, — говорю я, и он кивает.

— Я не хотел, — говорит. — В смысле хотел, но вид лежащего кучей Майка энтузиазма отнюдь не прибавлял. — Он глубоко затягивается. — Господи. Поверить не могу, что он мертв. Не могу поверить, что она его убила.

— Почему? Ты же верил в нее.

— Знаю, но я никогда по-настоящему ее не видел. Никто не видит Анну. Потому что если ты видишь Анну...

— ...то уже никому не успеешь об этом рассказать, — заканчиваю я угрюмо.

Поднимаю глаза на звук шагов по неровным половицам. Входит какой-то старик, ну вроде бы старик, с заплетенной в косицу сивой бородой. Одет в изрядно выношенную футболку с «Грэйтфул дэд»^[19] и кожаную жилетку. На руках по всей длине странные татуировки — ни одной не узнаю.

— Ты чертовски везучий парень. Должен сказать, от профессионального убийцы призраков я ожидал большего.

Ловлю брошенный им пузырь со льдом для моей головы. Лицо, похожее на печеное яблоко, расплывается в улыбке, глаза в очках в проволочной оправе смотрят внимательно.

— Это вы дали наводку Ромашке. — Я понимаю это мгновенно. — А я-то думал это старина Томас.

[Купить полную версию книги](#)

notes

«Ракеты» и «Акулы» — две противоборствующие банды в знаменитом мюзикле «Вестсайдская история». *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Джек Керуак (1922–1969) — американский писатель, идеолог бит-поколения. Самые знаменитые его романы — «В дороге» и «Бродяги Дхармы». Их герои, как и он сам, искали бога и смысл жизни, путешествуя.

Знаменитая панк-рок-группа «Роллинг стоунз».

Джеймс Дин ([1931—1955](#)) — американский актер. Своей популярностью он обязан трём кинофильмам — «[К востоку от рая](#)», «[Бунтарь без причины](#)» и «[Гигант](#)», — вышедшим в год его смерти. В этих картинах молодой актер представил сложный образ молодого человека с душевными терзаниями, запинаящейся речью и пробуждающейся чувственностью. Трагическая смерть, легенды и мифы, окутавшие его жизнь, сделали его культовым персонажем. В 1999 году Американский киноинститут поставил актера на 18-е место в списке «100 Величайших звёзд».

Атам — ритуальный нож, используемый в магических практиках различного толка.

Goodyear — марка автомобильных шин.

«Хранители» — комикс, впоследствии графический роман Алана Мура и Дейва Гиббонса.

Грендель — чудовище из англосаксонского эпоса «Беовульф». Герой, скорее всего, имеет в виду трактовку данного образа из канадского фильма 2005 года «Беовульф и Грендель», где Грендель — тролль, внешне ничем не отличающийся от человека-воина. И в фильме он не просто ненавидит людей, а мстит им за своего убитого отца. При этом убивает только тех, кто идет против него.

«Сайлент Хилл» — канадский фильм ужасов (2006), основанный на одноименной японской компьютерной игре.

Св. Христофор — в католической традиции покровитель путешественников.

Ирга, она же коринка, высокий кустарник семейства розоцветных. Дает горьковато-сладкие ягоды темно-синего цвета с сизоватым налетом. По вкусу действительно напоминает чернику, но слаще.

«Trojans» — популярная в США марка презервативов.

Оджибве — индейское племя, живет в резервациях в США и Канаде.

Jonas Brothers — [американская](#) мальчиковая поп-рок-группа, состоящая из трех братьев, музыкантов и актеров, [Кевина Джонаса](#), [Джо Джонаса](#) и [Ника Джонаса](#).

Баффи Истребительница Вампиров — главная героиня американского фильма 1992 года и снятого чуть позже сериала об ученице старших классов, оказавшейся Избранной и призванной бороться с силами зла.

«Правила секса» ([англ.](#) *The Rules of Attraction*) — комедийная драма [2002 года](#) режиссера [Роджера Эвери](#) по [одноименному роману](#) американского писателя [Брета Истона Эллиса](#).

Чарли Браун — один из главных персонажей серии комиксов *[Peanuts](#)*, созданный [Чарльзом Шульцем](#) и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года, хозяин Снупи. Одет в характерную желтую футболку с широкой черной ломаной линией поперек.

Скала — псевдоним Дуэйна Джонсона, американского рестлера и киноактера.

Grateful Dead — знаменитая американская рок-группа конца 1960-х годов.